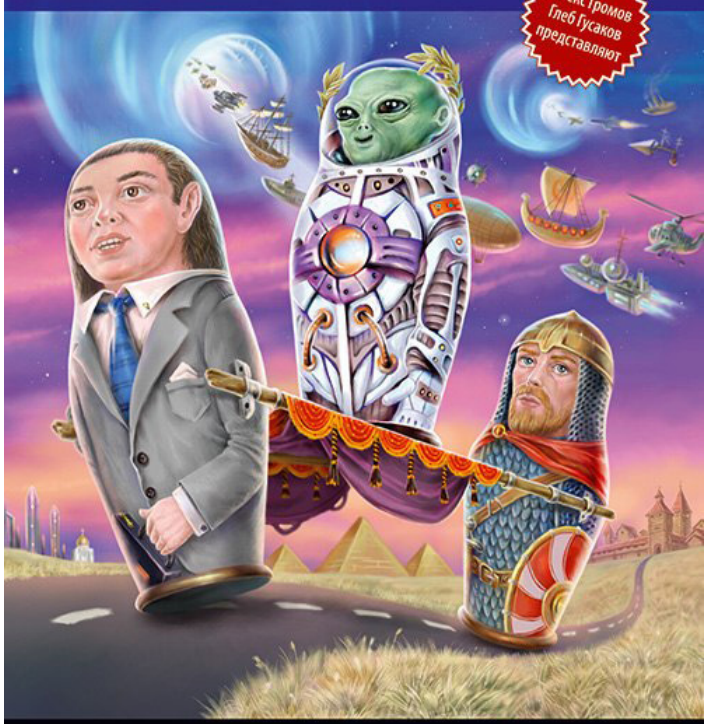
ИСТОРИКУМ

МОЗАИКА ВРЕМЕН

Алекс Громов
Глеб Гусаков
представляют



Белова Белоусова Беляков Бор Васильев Володихин Гидра Громов Гуларян Дашков Калиниченко
Кнгит Рыженкова Рябинов Савеличев Сарсенова Толкачев Тотак Удалин Чебаненко Шатохина

Николай Валерьевич Калиниченко
Михаил Валерьевич Савеличев
Андрей Георгиевич Дашков
Татьяна Белоусова
Татьяна Владимировна Томах
Юлия Рыженкова
Дмитрий Михайлович Володихин
Сергей Борисович Удалин
Сергей Чебаненко
Татьяна Владимировна Кигим
Алексей Толкачев
Артем Гуларян
Алекс Бор

Историкум. Мозаика времен

Серия «Антологии (Снежный ком)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41825734
Историкум. Мозаика времен. Сборник: ИП Штепин Д.В.; 2019

Аннотация

Принято считать, что эксперименты в истории невозможны, потому что их нельзя повторить. И вообще, история не знает сослагательного наклонения. А если все же попробовать? Впрочем, вполне возможно, что перед нами предстанут не разные ветви и варианты одной-единственной истории, а бесконечное множество историй принципиально разных. В антологии собраны произведения, которые демонстрируют, как именно история меняет свое течение, выявляет истинное лицо событий и их персонажей, скрывая навсегда имена, мотивы, города и страны.

Содержание

Мозаика возможного 6
Алексей Рюриков 6
Вместо эпилога 39
Артём Гуларян 45
Сергей Удалин 86
Татьяна Белоусова 121
Сергей Беляков 135
Сергей Чебаненко 169
1 169
2 173
3 176
4 178
Конец ознакомительного фрагмента. 182

Михаил Савеличев, Артем Гуларян, Сергей Удалин, Татьяна Белоусова, Сергей Чебаненко, Юлия Рыженкова, Алексей Толкачев, Татьяна Кигим, Алекс Бор, Андрей Дашков, Дмитрий Володихин, Татьяна Томах, Николай Калиниченко

Историкум

Мозаика времен

Сборник

Мозаика возможного

18 января 1727. Санкт-Петербург

Меншиков вспоминал. Тогда, ровно три года назад, ничто, казалось, не предвещало беды. Он, во всяком случае, ничего такого не чувствовал – день как день. Ближе к вечеру явился к государю, как обычно влетел в кабинет…

«И чего он взбеленился? – в который уж раз за эти годы подивился про себя Александр Данилович. – Ведь ничего ж не было! Ничего же этакого вот, особенного! К бабке не ходи, снаушничал кто-то. Знать бы кто…»

Князь тяжело поднялся с удобного, оставшегося в доме с тех ещё, с доопальных времён, кресла, зябко передёрнул отвыкшими от питербурхских холодов плечами, подошёл к камину и протянул к решётке руки.

«Ведь как я зашёл – немедля начал тростью охаживать, мин херц вражий. Только от тумаков оклемался – за воротник, да казнокрадом, да мерзавцем честить, да матерно потом облаял».

В душе Светлейший с «казнокрадом», в общем-то, не спорил. Но вот остальное его удручало и посейчас. Нет, прости его тогда Пётр, как нередко за многие проведённые рядом годы прощал, избив и облаяв сгоряча, Александр Данилович забыл бы услышанные оскорбления через минуту. Или будь государь жив, чтобы можно было как раньше, в молодости, доложить о лихой авантюре и услышать заветное: «Ах ты ж,

архиплут, но ведь молодец, Алексашка!»

Но Пётр I, прозванный ещё при жизни Великим, умер два года назад, и простить бывшего при нём с юных лет Алексашку уже не мог. И это князя злило больше всего, поскольку выходило так, что подвиги последних трёх лет, а стукнуло нынче Меншикову пятьдесят три года, не оголец босоногий, напрасны. Не перед кем ими теперь похвалиться, да и преподнести достигнутое некому.

«Некому… – снова подумал князь, согревая ладони. – Да и… да и незачем теперь, уж минувшего-то не воротишь. Был бы жив мин херц, за таковское удальство – всё бы вернул. А нынче…»

Мысли снова сбились на воспоминания.

> «Всех же чинов, имений, всех наград лишил, а? И ведь сразу я беду почуял, сразу. Как увидел, что Алексеич после лая, вместо буйства своего обычного, вторую трость, с каменьями зелёными, эдак вот вертит, смотрит – аж лёд по костям, и говорит негромко, задумчиво:
>
> – Станок, слышь, у меня токарный сломался.
>
> Стано-ок… Никогда он так до того не разговаривал. Если бы второй тростью колотить начал – то понятно, привычно. Кричал бы, собачился. А то – мирный такой, рассудительный. Думал, смерть уж моя пришла, ан нет…»

Он поднял руки от огня, поднёс к лицу, зачем-то посмотрел на узкие, всё ещё сильные пальцы и вернулся за стол.

Вспоминать дальше. Время ещё было, встреча назначена на поздний вечер.

> «Остров этот придумал. Ну, при чём я к Магада… Магда… тьфу! До сих дней выговорить не могу это слово проклятое! Ладно, хоть возглавить поход поручил. Мог и на плаху, у него оно споро выходило».

* * *

Светлейший князь, в прошлом фельдмаршал и президент Военной коллегии, кавалер орденов, владелец поместий и десятков тысяч крестьян, ближайший сановник и друг императора так никогда и не узнал причину своей жесточайшей за всю проведённую рядом с Петром I жизнь опалы. Наушники тут были почти ни при чём – так сложилось. Или звёзды сошлись, или карты упали, или просто – судьба. Как говорили встречавшиеся Александру Даниловичу в странствиях индусы, карма.

В тот печальный для Светлейшего день, 18 января 1724 года, у российского императора и впрямь сломался станок. Пётр Алексеевич под старость забавы токарной не бросал, и поломка препаршивейшее настроение на весь день ему обеспечила. Когда же час спустя царь прочитал доклад Тайной канцелярии о том, что императрицу Екатерину Алексеевну и Меншикова связывают отношения более чем дружеские, он вконец рассвирепел. Повелев Алексашку, паче явится, звать

немедленно, самодержец принялся за следующую депешу. Ею оказалось донесение шаутбенахта Якоба Вильстера, посланного осенью с двумя фрегатами в Мадагаскарскую экспедицию, приводить остров под российский скипетр и искать «пиратское царство», кое, по слухам, на острове том имелось и даже несколько лет тому отряжало послов в соседнюю Швецию, просясь к тамошнему королю Карлу XII под покровительство. Вильстер, появившийся в Санкт-Питербурхе три года назад, до того воевал и на стороне шведов, и против них, бывал на русской службе, ходила молва – не преминул погулять и флибустьером под вольным флагом, – в общем, был моряком опытным и человеком многознающим. Он и поведал о неудавшихся шведских путешествиях к Мадагаскару. И описал Петру обстановку в тех краях, насколько сам знал. Знал, впрочем, немало, знакомцев среди джентльменов удачи у голландца хватало. Написанный шаутбенахтом доклад, посвящённый пиратам Индийского океана и их связям со шведским двором, император прочитал внимательно.

– В Индию нам путь нужен! – объяснял он осенью президенту Коллегии иностранных дел Головкину. – Через Хиву Бекович пробовал, не вышло, в Джунгарию ты посылал, в Персию – везде афронт. А как англичане с голландцами делают?

– Как?

– А морем, Гаврила! – заревел Пётр. – Морем! Вокруг Ев-

ропы с Африкой! Вот тут нам Мадагаскар и потребен! Там фортецию заложить да губернию заморскую основать. А уж с острова сего, где у нас порт и магазины для войска будут, можно и к Индии дорожку торить…

Теперь же, поставленный во главе похода к далёкому острову, Вильстер сообщал о том, что отплытие срывается. Пётр ещё раз яростно пробежал глазами послание. На словах: «а выделенные для сего авантажа фрегаты отправлены из Ревеля в великой конфузии, трудно и поверить, что морской человек оные отправлял…» – он прервался, отшвырнул документ и… и тут в кабинете появился Меншиков. Одно из прогневавших государя обстоятельств вполне могло сойти ближайшему, самому давнему другу с рук. И даже два. Но все три вместе, да ещё так не вовремя…

* * *

Экспедиция была собрана и отправлена Меншиковым уже через две недели. Прощальный рык Петра: «…а паче Мадагаскара на шпаге не привезёшь – под топор ляжешь!» стоял у бывшего фаворита в ушах и годы спустя, а уж ускорение подготовке придал и вообще ни с чем не сравнимое. Насчет плахи обещания императора расходились с делом редко.

У бывшего теперь Светлейшего князя, впрочем, тоже – эту науку он перенял от сюзерена прекрасно. Адмирал Вильстер диву давался – до приезда князя сборы шли неторопли-

во, а тут… С тех пор к заставившему забегать как пришпоренных всех, от юнги до капитана порта князю Александеру голландец относился с большим почтением.

* * *

«Думали – сгину? – продолжал вспоминать вернувшийся недавно в Россию сановник, разъяряясь мысленно на неведомого наветчика, вызвавшего три года назад гнев царя (а в том, что без наушничества не обошлось, он не сомневался). – Ан не вышло! Не такой человек Александр Данилович Меншиков!»

Он отлично знал Петра и тогда, в императорском кабинете, явственно уразумел: плавание к Африке – единственная надежда на спасение. А удачное – и на возвращение близости к государю. Он, как когда-то в залихватской молодости, твёрдо поставил себе пройти любые океаны, но заслужить прощение Петра Великого. Выход князь знал один: поклониться царю этим бесовским островом Мадагаскаром.

Оба корабля, выделенные эскадре, еле дошли до Голландии. В Амстердаме от начальных команд осталась хорошо, если половина, но князь сделал всё, что требовалось. Меншиков купил на собственные деньги (крутилось у него на голландской бирже весьма весомое, в переводе на золото, кое-что) два новых фрегата, названные им «Надежда» и «Индия», добрал команду из голландцев, немцев и несколь-

ких датчан, добрался до Мадагаскара, где заложил русский форт, названный пышно «град Петрополь». Губернатором колонии он назначил капитан-лейтенанта Мясного. Но спокойнее от всего этого не стало.

Меншиков был умным и опытным человеком, и ещё в самом начале понял – сам по себе заложенный форт на далёком острове долго не протянет. Людей, которых можно было бы там поселить, у него практически не было, рассчитывать на помощь из России не приходилось. Вернуться, преподнести Петру заморские земли, а после плавания следующей экспедиции узнать о разорении крепости, он не хотел.

Светлейший был уверен: вернись с победой, распиши свои успехи как следует (а это он умел, да и царя понимал лучше других) – и прощение обеспечено. Даже если следующее плавание покажет, что удача была призрачной, неважно. К тому времени всё успокоится. Но… Меншиков, при всём своём своекорыстии, расхищениях казны, мошенничествах и мздоимствах, был человеком государственным, преданным Петру I и России беспрекословно.

Такое уж было время, верность родине и государю, беззаветная отвага и доблесть в сражениях, отлично сочетались в «птенцах гнезда Петрова» с корыстолюбием и казнокрадством. Впрочем, когда и где они не сочетались?

Задумался над решением этой головоломки Александр Данилович ещё в Ревеле, лишь поднявшись на борт и переговорив с Вильстером. В Амстердаме он нашёл и сманил

в команду двух немцев-рудознатцев (один, правда, оказался шарлатаном из студентов-недоучек, что не помешало ему сначала стать судовым врачом на одном из новых судов, а ещё позже – получить смертельный удар ятаганом в абордажной свалке на арабском доу), мастера-оружейника, поклявшегося, что сумеет наладить починку, а если найдётся железо – так и изготовление ружей, троих подмастерьев-строителей.

Но это было только началом. Меншиков не очень верил в «пиратское королевство», а расспросы Вильстера и других знающих офицеров-иностранцев его в том сомнении лишь укрепили. Но в Голландии князь узнал и другое – время было выбрано Петром удачно.

* * *

Он снова прошёлся по комнате, пододвинул к камину кресло, раскурил набитую слугой-негром трубку и опять погрузился в прошлое.

Голландия… Он помнил, как в припортовом «чистом» трактире с простым названием «Под якорем», где собирались солидные купцы и капитаны кораблей, старый компаньон, служивший доверенным лицом в его денежных делах за границей, Ван Койперс, свёл князя с капитаном одного из только что вернувшихся из Индии кораблей. Ван Койперс затею с плаванием русских к берегам Африки не одоб-

рял, но привычен был к тому, что все затеянные Меншиковым предприятия оборачивались недурственными комиссионными. И в надежде на свои проценты помогал со всем усердием.

– Я слышал, есть неплохие стоянки на острове Мадагаскар? – поинтересовался тогда у приведённого компаньоном капитана Светлейший. – Но, кажется, там грозит опасность от лихих людей?

– Вы правы, герр Александер, – отозвался пятидесятилетний Ван Винк, последние семь лет проплававший в тех краях. – На Мадагаскаре полно удобных бухт, есть даже несколько поселений. Но и пираты там встречаются. Англичане и испанцы вытеснили их с Карибов, и многие ушли в Индийский океан.

Капитан пригубил очередную кружку с глинтвейном, хмыкнул и добавил:

– Однако с вашими фрегатами опасаться нечего. У флибустьеров в южных морях редко бывает больше одного корабля, это не Береговое братство Тортуги. На вас они нападать не станут, – тут Ван Винк, ухмыльнувшись, подмигнул Александру Даниловичу, которого почтенный амстердамский делец Ван Койперс представил ему как русского командора, и доверительно добавил: – Ну, разве что захотите отнять добычу.

Капитану казалось, что он делает правильный вывод: два хорошо вооружённых русских фрегата, команда, в которую

прекрасно известный ему Вильстер вербует отборных головорезов, расспросы об Индии.

«Кажется, русские решили погулять на юге, – подумал голландец. – Не сомневаюсь, что в сундуке у этого „командора Александера“ – явно вымышленное имя – лежит и каперский патент. А заодно разведать новые земли, лавры Дампира покоя не дают, поди. Но коль уж его привёл Койперс, знать, и наши тут в доле, наши своего не упустят. И то верно – пусть московиты там пощиплют. От того нам хуже не станет».

Меншиков на подмигивание внимания не обратил. Он был уверен – Ван Койперс своё дело знает, болтуна не приведёт и сведения, услышанные сейчас, наиболее свежие и точные во всём Амстердаме. Про то, что на юг подалось немало вольных охотников из Карибского моря, он уже знал, сейчас его интересовал именно Мадагаскар.

– И всё же, герр Винк, – вернул он собеседника к предмету разговора, – мне хотелось бы узнать…

– Да чего там знать! – перебил его морской волк. – Ваш Вильстер знает всё не хуже меня, тоже мне… Извольте: как Лондон назначил губернатором Багамских островов Вудса Роджерса, тот начал давить флибустьеров. Человек пять сдались под амнистию, с командами, а остальные отправились кто куда. Это лет шесть тому было. Тогда многие в Индийский океан ушли. Ле Буше, Инглэнд, ещё другие. Вот с тех пор все и идут. В основном все стремятся к Красному мо-

рю, там ходит много индусов и арабов, нетрудная добыча для тех, кто брал на абордаж испанские галеоны. Но в тех краях на островах либо нет воды… либо есть французы, – капитан раскатисто захохотал своей шутке и продолжил: – Ну, иногда не французы, а воинственные дикари с копьями… впрочем, по сути, это одно и то же, – и он снова залился смехом.

Отсмеявшись, заговорил серьёзно:

– Иногда пираты останавливаются на Сокотре, Коморах, Сейшелах, но это неудобно. Выгодней спуститься к югу и отстояться на интересующем вас острове. Там, конечно, не Порт-Роял, но есть посёлки с белыми, да и прибрежные племена спокойно относятся к торгу с моряками. Можно и отремонтироваться, и набрать воды, купить провиант. Да и немного погулять на берегу, мальгашки, конечно, несравнимы с француженками, но после долгих месяцев в море – сами понимаете.

– А туземцы как на это смотрят? – заинтересовался Меншиков.

– Как заплатишь – так и посмотрят, – снова заржал моряк. – Хороший нож – и муж туземки будет охранять, чтоб вас с ней никто не потревожил в хижине, всё время стоянки.

– А откуда там белые? – спросил до того молчавший Ван Койперс. – Там ведь нет ничьих колоний?

– Так и белые те ничьи, – пожал плечами капитан. – Люди с Карибов пришли на Мадагаскар ещё лет десять назад, и там, по слухам, уже были вольные стоянки. В тех водах

ещё Эвери с Киддом да Миссоном ходили, сколько уж лет прошло? Кроме того, там плавает достаточно англичан и наших – голландцев, которые поменяли карьеру служащих Ост-Индских компаний на свободную охоту. Вы же знаете, Компания платит немного, а жизнь в колониях не сахар. Ну а промысленный прибыток надо ведь где-то обменять на монету. Да и припас прикупить – порох, ядра и прочий товар. То есть нужно место, которое известно и охотникам за удачей, и не очень деликатным купцам. Хотя где вы деликатного купца видели?

– И это место – Мадагаскар? – спросил русский. – Но ведь тогда, получается, о том, что там собираются разбойники, должны знать многие? Иначе как купцу и пирату встретиться?

– Конечно, – охотно согласился Ван Винк. – Все знают. А чтобы встречаться, на острове как раз несколько факторий есть. Таких, знаете, своеобычных. Без флага. Через них можно весточку передать, о рандеву сговориться. Иной раз и товар какой хранят, но это редко – опасно без присмотра оставить. Года три уж как поселения ожили, дома строят, крепостцы. Торговлишка идёт – и не только христиане, и с Занзибара приходят, и из Персидского залива, и с Маскарен.

– Но если все знают, – не понял Александр Данилович, – почему ж им до сих пор укорот не сделали? Хоть английский флот, хоть другие короли? Ежели там гнездо разбойное, изведанное? Ведь купцам, небось, убыток?

Голландцы несколько удивлённо переглянулись, Ван Койперс, слегка улыбнувшись, пожал плечами, но ответил капитан:

– Вы, герр командор, не понимаете. Купец, он тоже иной раз, если, скажем, в море одинокого индийца встретит, или там… – он прервался, пожевал губами и выговорил обтекаемо: – или там ещё кого. Вот если, скажем, такая встреча выпадет, то может так закончиться, что встречник ко дну перейдёт, а груз его, напротив, к купцу. Но такой груз ведь тоже надо продать не в своём порту, разумеете?

– Понимаю, – согласился Меншиков. – Дело обыденное. Но…

– Да и деньги там большие ходят, – не дал себя прервать голландец. – Очень большие. Недавно Ле Буше и Тейлор взяли семидесятипушечный линейный корабль португальцев, а на нём плыл бывший вице-король Гоа, Эришейра, вёз казну и камни. Последнему палубному матросу при дележе досталось не меньше тысячи фунтов стерлингов, вообразите!

– Славный куш, – задумчиво кивнул князь.

– Ну а где такие деньги – там купцу никак убытка не может приключиться. Только наоборот.

– Ну, это ладно, – логику моряка Меншиков понял. Как золотые кружочки избавляют от необходимости соблюдать законы, он знал куда лучше рассказчика, мог бы и поучить при случае. Но сомнения оставались, и он спросил снова:

– То купцы. А короли-то?

– А чего короли? Про эскадру Мэтьюза слыхали?

– Нет.

– Два года назад англичане послали Мэтьюза, он был в вашем чине, тоже командор, с четырьмя кораблями на помощь Ост-Индской компании. Уничтожить пиратство на Мадагаскаре, Бурбоне и в Красном море. Я тогда как раз ходил из Капштадта в Сурат и знаю всё не понаслышке. Думаете, Мэтьюз объявился на Мадагаскаре? Он что, дурак, по-вашему? Не-ет, он немедленно пошёл в Бомбей! Там поучаствовал в экспедиции против Англии, попытался перехватить торговлю Сурата с Кантоном, да не вышло, хе-хе.

Капитан, улыбаясь каким-то своим воспоминаниям, раскурил принесённую трубку, но углубляться в интригу не стал, а повёл повествование дальше:

– На Мадагаскаре он всё же потом появился. В бухте Сент-Мари как раз пираты посадили на мель несколько призов, тащили с кораблей кому что нужно и спешили обратно в море – сезон в разгаре. Англичане, увидев на берегу фарфор, пряности, шёлк, поставили рядом белый флаг в знак того, что воевать с пиратами не будут, и включились в грабёж.

– А пираты на это что сказали? – не понял Светлейший.

– А что тут скажешь? Да там и оставались-то немногие, остальные уже ушли. Это земли Плантена, он вроде как присматривать за складом должен был. Только что он сделает, на самом берегу-то? Плантен пригласил британцев в гости, пир устроил. Мэтьюз ему даже запасы одежды продал, ром, вино.

– Кто такой Плантен?

– Бывший пират. Ходил с Инглэндом, болтают даже, чуть ли не с Эвери. Потом у мальгашей участок купил и в бухте поселился. Для пиратов и купцов он как раз служит почтовым ящиком, посредником и советчиком. Его там называют «король бухты».

– Король? – не утерпел Меншиков. – А там есть какое-то пиратское королевство? Или община какая сплочённая?

– Нет, – пожал плечами капитан. – Откуда? Вольные корсары меж собой сходятся редко.

– Я слышал, какие-то тамошние моряки посылали к шведам, просились под руку их короля?

– А-а, знаю, – кивнул пожилой моряк. – Каспар Морган измыслил. Это капитаны флибустьеров лет десять назад собрались и хотели новую Тортугу устроить. Отдаться под флаг шведам – они далеко, но король у них был воинственный, мог при случае в Европе за них слово молвить, грамоты каперские выдать… да мало ли пользы? Ну а проверять их не мог, из Стокгольма-то. Только подношения посылай иной раз. Неплохая задумка, но сорвалось почему-то.

– А почему?

– Не ведаю. Карл-то, король, он же вроде с вашими воевал тогда? Может, не до того было, может, ещё почему.

«Не до того», – подумал, в душе усмехаясь Меншиков. Он-то знал, что после разгрома под Полтавой, в 1709 году, Карл бежал к туркам и в Швецию вернулся лишь через пять

лет. В Стокгольме посланник пиратов, тот самый Морган, появился в 1718 году, Карл успел подписать ему грамоту на чин шведского наместника, но дальше дело не двинулось – в ноябре того же года Карл XII погиб.

– А что, задумка-то эта, она и впрямь могла солидным делом обернуться? – полюбопытствовал он.

– Пожалуй, и могла, – рассудил Ван Винк. – Почему нет? А что?

– Да так, интересно. Я же сам со шведами воевал и под Полтавой был, когда их разбили, – ушёл от разговора князь. – А что там с Мэтьюзом дальше было?

– Дальше просто, – не стал настаивать капитан. – После пира Мэтьюз с Плантеном повздорил, даже стычка была. А потом эскадра ушла в Калькутту. Что было дальше, не знаю, я отплыл в Амстердам. Вот примерно так с пиратами борьба у всех и идёт, – подытожил рассказчик. – Кто за ними гоняться будет, когда вместо этого разбогатеть можно?

Меншиков задумался. Сведения были интересными и сулили его экспедиции главное – людей, корабли, деньги. И рассказ о том, что сражений с военными кораблями других стран можно практически не опасаться, его порадовал.

* * *

Светлейший князь не знал и не мог знать, что обстановка складывалась ещё лучше. Как раз в то время, когда он

собирал сведения в Амстердаме, Мэтьюз, разбогатевший к тому времени больше самого удачливого пирата, отплывал в Англию. После его возвращения на британское адмиралтейство обрушится поток жалоб, коммодор будет отдан под суд, отведёт почти все обвинения, но всё же будет приговорён к штрафу в огромную сумму – двадцать пять тысяч фунтов стерлингов. Мэтьюз выплатит её, по слухам – выплатит столько же судьям и лордам адмиралтейства, чтобы уйти от более серьёзных обвинений, на всё это его добычи хватит, после чего продолжит службу во флоте. Но директора Ост-Индской компании рейд его эскадры запомнят надолго, и двадцать лет после этого будут наотрез отказываться от посылки королевских кораблей в Индийский океан. Лишь в 1744 году, после начала войны с Францией, компания согласится с прибытием королевского военного флота. И то с огромным неудовольствием. Торговцы Ост-Индской компании предпочтут опасность пиратских нападений, для них это окажется куда менее разорительным.

Тогда, в Амстердаме, Александр Данилович этого знать не мог. Но и полученных известий ему хватило. Заручившись несколькими рекомендациями, он отплыл к Мадагаскару.

* * *

Уже выходя из голландского порта, князь примерно представлял, как ему надлежит действовать. Меншиков задумал

не просто плавание. Нет, он мыслил шире, в стиле начинающегося авантюрного века. Князь собирался преподнести выгнавшему его из России царю сильную и богатую колонию.

Сейчас, три года спустя, в Петербурге, он вспоминал свои тогдашние думы и был уверен – он всё сделал правильно. Пётр бы одобрил.

> «И ведь получилось всё. Прав был Пётр Алексеевич, ан и я прав вышел. Воровские моряки истинно те края насмотрели. Грабить там есть кого – и Африка рядом, и басурмане плавают, и португальцы, голландцы, англичане, французы… А вот королевства у них не имелось. Это я угадал. Но под русский скипетр их справить было не трудным делом. Как Ван Винк и говорил: русский флаг и каперские патенты, да ещё и крепость заложили, порт для стоянки и ремонта появился. Да купцам для встреч и амбаров место, почитай, нашлось. В остроге, иной раз и постоянный склад ставить можно. Комендантом Мясной дельным оказался, враз понял – тут строгости законов и быть не может, тут вольница. Запорожская Сечь, только морская».

Именно Мясной, первым вникнув в мысль командующего экспедицией, предложил брать под покровительство не только европейских флибустьеров, но и местных – арабских, индийских. Светлейший помнил, как тот горячился на совете:

– Да ведь на Руси-то – и татар, и башкир, и ногаев с якутами зачисляем! Те же ведь басурмане некрещёные, даже и

куда как дикие. А к нам сейчас и с Малабара самого под руку просились, и с Маската два гораба разбитых дошли. Почто не принять?

– Да ты не горячись, – усмехнулся тогда Александр Данилович. – Не горячись, можно и принять. Только как они с англичанами теми ж в одном порту будут?

– А что в порту? Пусть даже и подерутся матросы – обычное дело.

Меншиков согласие дал, наказав лишь «язычников и исламов, в подданство российское перейти желающих, к принятию веры Христовой склонять неустанно, но не неволить, а токмо ласкою да уговорами сей дискурс вести».

Князь, разобравшись в том, что представляют собой Ост-Индские компании в Англии, Голландии, Дании, оценил выгоды, открывающиеся от учинения такой же русской. Разумеется, в числе главных пайщиков он видел себя и, откровенно говоря, тогда ещё не решил – будет ли то действительно работающее предприятие, или лучше, собрав под сулимые барыши капитал, прикарманить деньги без долгих затей. Но он чётко понимал – в любом случае, требуется привезти на родину не просто описания мадагаскарских земель, но золото. Да, Светлейший верил в прощение Петра. Но видел и другое – за время отсутствия все его имения раздадут, и пожаловать их назад не сможет даже царь. А вернуться следовало в блеске не только славы, но и состояния, по-иному он, один из тщеславнейших людей своего времени, не желал.

Мадагаскар в этом помочь не мог. А вот два новых фрегата…

* * *

Первый раз он запомнил навсегда, в подробностях. Через два дня после выхода из голландского Капштадта, где взяли провиант и воду, в каюту ворвался ставший за время плавания задушевным другом и верным собутыльником Вильстер.

– Парус на горизонте!

Александр выскочил на палубу, схватил подзорную трубу, углядел в волнах сначала две мачты с прямыми парусами, а потом и флаг.

– Португал, – бросил он столпившимся вокруг офицерам.

– Как есть португал, – хриплым басом согласился штурман, взятый в Амстердаме голландец, приятель Вильстера.

Меншиков обвёл своих людей взглядом и вдруг почувствовал, что окружающие его моряки, включая, что странно, даже отправившихся в экспедицию русских, до того дальше Готланда не выходивших, чего-то ждут. Что-что, а распоряжаться людьми князь за свою нескучную жизнь научился отменно, и потому, не вполне ещё понимая, в чём дело, вновь, выигрывая секунды на размышление, приложил трубу к глазу, а потом изрёк в пространство:

– Нашим курсом идёт, португал-то.

Подождал, не дождался ничего кроме согласного сопения, и продолжил:

– Куда ж его, болезного, ветром влечёт, любопытно?

– Так известное дело, – мгновенно ответил штурман. – Коли бриг, так не иначе к Берегу Индиго идёт, на форт Мозамбик. За чёрным деревом.

Рассказы голландцев в памяти всплыли мгновенно. Князь помнил, что «чёрным деревом» называли негров, обращённых в рабство. Но помнил он и другое:

– А почему он на восток идёт? Рабов ведь на западном берегу берут?

– Это в Америку на западном, – охотно разъяснил другу Вильстер. – А с восточного берега в Ост-Индию. А может, в Бразилию – там, чай, португальцы те же.

– Ромом, верно, загружен, – мечтательно произнёс штурман.

– Ромом? – Светлейший вспомнил, что в Африке за рабов расплачиваются чаще всего оружием и спиртным.

– Ружья и ром нам не помешали бы, – протянул Вильстер.

Меншиков понял. Голландцы были с Лиссабоном на ножах издавна, и команда, часть которой уже погуляла по морям, а другая – наслушалась их повествований, не видела ничего странного в том, чтобы прибрать португальца к рукам. Тем более, за южной оконечностью Африки.

«А что? – загорелся мыслью Александр. – Проверим, на что мои молодцы способны? Коль решил на воровских моряков опираться, надо, чай, и самому ремесло попробовать… да и скучно в этом море чёртовом!»

– Передайте на «Индию» – атакуем, – приказал он Вильстеру и, убирая трубу, рявкнул повеселевшим голосом: – Орудийную палубу к бою! Мушкетёров – на ванты, как сойдёмся – огонь по палубе!

Бриг догнали быстро – куда ему от новых фрегатов уйти? Дав пару пушечных залпов по рангоуту, приблизились с двух сторон на мушкетный выстрел, потом абордаж…

Когда всё было закончено и квартирмейстер, обследовав захваченный корабль, доложил, что гружён он и впрямь ромом, фузеями, табаком, а також железом и порохом – по-видимому, для Мозамбика, и гружён неплохо – тысяч на сорок ефимков, Меншиков, распорядившись оставить призовую партию на судне и вести бриг в составе эскадры, впервые почуял: будет дело. Первый успех не то чтобы вскружил ему голову – опальный вельможа отлично понимал все сложности своей задачи. Но, имея отменный нюх, который оттачивался долгие годы рядом с совершенно непредсказуемым Петром, он, без участия рассудка, почувствовал: успех близок.

* * *

С тех пор это чувство его не покидало. Именно этим чувством, наделявшим его неудержимой, яростной уверенностью, он объяснял свою удачу в переговорах с упоминавшимися в Амстердаме Плантеном и Ле Буше, в прошлом име-

нитым вожаком пиратов, после ограбления вице-короля Гоа решившим отойти от дел и поселившимся на французском острове Бурбон.

Впрочем, объяснить согласие влиятельного и знаменитого экс-пирата перебраться на Мадагаскар в чине вице-губернатора российской колонии и привлекать к чаемому порту своих былых знакомцев, проще, пожалуй, тем, что французские власти, опасаться Ле Буше к тому времени переставшие, посматривали на поместье и круглое состояние бывшего предводителя джентльменов удачи с вполне понятным чувством зависти и вожделения. И не зайди на Бурбон русская эскадра, предводитель которой имел к бравому французскому искателю приключений рекомендательные письма, – быть отставному корсару арестованным и повешенным, а имуществу его – оказаться в руках островных чиновников.

Потом был переход к цели плавания, Мадагаскару, переговоры с «пиратским посредником» Плантеном, основание в бухте Сент-Мари крепости Петрополь. Были рейды в Красное и Аравийское моря, к берегам Африки и Индии, штурмы прибрежных городов и абордажи, переговоры с вождями мальгашских племён, туземными купцами и европейскими колониальными чиновниками, выдача каперских и офицерских патентов «воровским морякам» разных национальностей и цветов кожи… Пожилой сановник, улыбнувшись, вспомнил первый разговор с тем самым Плантеном:

– …титул? – удивился тогда старый головорез. – Вы гово-

рите о дворянском титуле?

– Сие возможно, – пожал плечами Меншиков. – Я сам из семьи торговца, а поглядите – светлейший князь Ижорский и князь Римской империи. Российское дворянство и чин майора я вам могу обещать непреложно, а вот кавалерство и титул повыше следует, как вы понимаете, заслужить.

– Чёрт, это звучит привлекательно! Вы слышали о Моргане? Не Каспаре, он погиб у Маската, другом – Генри?

– На Карибах? Да, слышал.

– Он получил рыцарский титул и назначение вице-губернатором Ямайки… ну что ж, пожалуй, я приму предложение императора Петра.

Плантен же растолковал ему всё и по интересовавшему бывшего владельца тысяч крепостных вопросу о работорговле.

– Рабы? Да, это хорошее занятие.

– Но негров надо ловить? Уходить от корабля в глубь континента?

– Вовсе нет, – захохотал бывший пират. – Торговцы покупают «чёрное дерево» у туземных вождей на берегу, в обмен на ром, порох, табак и другие товары. Можно торговать в факториях, это Аккра, Лагос, Луанда, Малембо, Кабинда, Бенинский залив. Или с корабля, но тогда нужно ждать самое меньшее три месяца, рейдируя вдоль побережья, пока вожди захватят нужное количество. Конечно, – въедливо отметил Плантен, – и цена тут выходит поменьше. Коли уж

негра схватили, чем его к рынку тащить, лучше на месте продать, а то вдруг помрёт по дороге.

– То есть это предприятие выгодное?

– И да, и нет. Корабли идут из Европы к Африке, потом, уже с невольниками, к американским берегам, и оттуда – обратно в Европу. На Африку берут товар для обмена, на вырученные за негров деньги покупают сахар, патоку, кофе и прочие колониальные товары и скидывают их дома. На нашем, восточном, побережье плотно сидят арабы и португальцы. Тут другие пути: в Индию, Персию, Турцию, Левант. С Мадагаскара французы на свои острова возят, кстати. Но нужны большие корабли, фрегаты тут не подойдут – загрузка малая.

– У меня есть бриг и галеон.

– Тогда можно. Прибыток от пятикратного. Но дело рисковое – перехватить могут, испанцы и англичане считают, что возить невольников можно только им, а других топят. Да и португальцы тоже соперников не любят. Или шторм. А то, бывает, невольники передохнут. Ну и с острова – не советую. Загребёте какого-нибудь родственника одного из вождей – и обретёте пару племён под стенами острога.

– А французы? – насторожился князь.

– Аборигены их ненавидят.

– Гм, – задумчиво протянул Светлейший. – Ежели мы французов от острова отгоним – мальгаши пойдут к нам под руку?

– Пожалуй, пойдут, – согласился британец. – Но французы

будут недовольны.

– А мы их убедим, – хищно улыбнулся Меншиков. – Их острова я видел – не сильно укреплены.

– Ссориться с ними не следует, – возразил плантатор. – Я думаю, можно будет договориться – за счёт арабов и португалов…

Спустя полтора года Плантен и Ле Буше столковались-таки с французами. Предварительно продемонстрировав выросшую к тому времени до семи кораблей российскую эскадру. А сам Светлейший предпочёл соглашение с туземцами…

Покидая полгода назад Петрополь на пяти кораблях, Александр Данилович оставлял за собою строящийся порт, разведанные залежи железа, два форта, закрывавшие подходы к бухте, двенадцать каперских кораблей, только из числа официально поднявших российский флаг, и оживлённый торговый перекрёсток, уже начинающий обрастать славой новой Тортуги. В городе строились кабаки, вокруг, по соглашению с туземцами, возникали плантации. Теперь следовало поклониться доставленным России далёким островом Петру… Но чаяниям князя сбыться не суждено.

* * *

Пётр I, Великий, друг и повелитель с юности, умер 28 января 1725 года, спустя год после начала Мадагаскарской экспедиции. Наследовал ему коронованный под именем Петра

II десятилетний внук, тоже Пётр Алексеевич. Правил, разумеется, не малолетний преемник. Власть перешла в руки Верховного тайного совета, из петровских сановников, во главе с давним недругом Светлейшего – Гавриилом Головкиным.

Вернувшегося в Россию Меншикова при новом дворе приняли холодно. Россия готовила наступление на Крым, армия штурмовала Очаков, и верховников далёкий Мадагаскар интересовал мало. А вот врагов Светлейшего князя среди нынешних придворных хватало. И давнишние обиды ему никто не забыл. Нет, остров, заморскую губернию и град Петрополь Пётр II под свой скипетр, несомненно, принял. Но чинов и званий князю не вернули. Да и не нужны ему были теперь эти звания, захандрил Александр Данилович. Это ведь когда в столице, при дворе, каждый день встречаясь с царём, он относился к Петру Великому хоть и с почтением, но и как к суровому повелителю. А в странствиях образ сюзерена и друга, наложившись на тоску по родине, приобрёл черты величественные и породил чувство преклонения. Которое теперь становилось ненужным. Пусто стало на душе у князя, уныло. Вдруг, неожиданно для самого себя, всё чаще стала приходить мысль: «скучно жить».

Продолжалось сие состояние, впрочем, не долго, спасибо Головкину, супротивнику заклятому. Канцлер затеял ворошить прошлые разбирательства, намереваясь бесповоротно покончить с былым соперником. Но прогадал. Менши-

ков, кроме недругов сохранивший и приятелей, узнал об интриге Головкина немедленно. И это его встряхнуло. Внука «своего» царя он не знал и служить при его дворе, тем более при наличии Верховного совета, он не намеревался. Вдова императора, Екатерина Алексеевна, входила в число верховников, но ни настоящей властью, ни амбициями не обладала. Светлейшего сие не устраивало. Он придумал себе новую цель – исполнить до конца замысел Петра I и, укрепив Мадагаскар, проложить России морской путь в Индию. Кроме всего прочего, в южных морях он теперь чувствовал себя лучше, чем в сановном Петербурге.

«Однако для исполнения сего намерения потребно сначала от происков избавиться, а после и внимание да подмогу Мадагаскару заморскому обеспечить, – вновь подумал князь, просматривая наброски карт. – Ох, Гаврила-Гаврила, и надо бы тебе сала за шкурку залить, надо бы… ан не судьба в этот раз».

Меншиков в сановных кознях чувствовал себя как рыба в воде. То обстоятельство, что интриговать при новом дворе ему просто не хотелось, совсем не помешало князю сразу по прибытии в столицу разобраться в сложившихся партиях и интересах. Светлейший являлся, пожалуй, единственным человеком, который мог в этой обстановке сохранить для России Мадагаскар. Других людей, имеющих такой опыт и мастерство придворных интриг, при этом видящих в далёком острове пользу, просто не существовало.

Три дня назад князь впервые открыто вмешался в петербургскую политику. Два дня назад по столице поползли слухи о складывающейся «партии Меншикова», делающей ставку на один из кланов в Верховном совете, Долгоруких. Вчера он договорился – уже не с позиции полузабытого-полуопального выскочки из времён прежнего царствования, но как полноправный участник событий – о встрече с двумя верховниками. Этой встречи он и ждал, коротая минуты за воспоминаниями.

Граф Пётр Андреевич Толстой, глава Тайной канцелярии, один из самых близких и доверенных лиц Петра I, добрый приятель Меншикова, а ныне один из семи членов Верховного тайного совета, и злейший враг Александра Даниловича, канцлер Головкин. Именно с ними князь и встретился двумя часами позже, подъехав в раззолочённой, прождавшей хозяина три долгих года карете, к дворцу Толстого.

Разговор начинался нелегко. И Толстой, и Головкин были выдающимися дипломатами и политиками своего времени, и плести словесные кружева умели преотличнейше. Первым надоело канцлеру.

– Данилыч, – буркнул он, хрустя мочёным яблоком, – давай прямо толковать. Мы тут все политесу обучены, чего кота за яйца тянуть?

– Можно, – пожал плечами Светлейший, допил перцовую и начал: – Сейчас в силе Долгорукие. Ты, Гаврила, и ты, Пётр, тоже – к царю редко попадаете, а Катерина по вдовству

своему вообще от дел отрешена.

– Тебе что за горе?

– Гаврила, – Меншиков сделал вид раздражённый и рассерженный, – ты мне крови сколько попил, а? Ох, через край! Хочешь, нынче я тебе попью? Долгорукие мне не враги, я с ними распрей не заводил. А сейчас и подавно не стану…

– Александр Данилович! – прервал его Толстой. – Не будем старое вспоминать, мы ведь сговариваться собрались, а не прошлые обиды тешить!

И Светлейший разыграл единственное, что у него оставалось, – имя. Имя былого ближайшего фаворита Петра Великого, наделённого когда-то почти державной властью, всё ещё внушало если не уважение, то опаску. Внушало всем. Взбудоражив за пару дней столичные верхи, старый волк показал зубы. А потом немедленно обменял волнение властей на преимущества для себя лично. Он предложил вождям «партии Екатерины» своё самоустранение из российской политики и вообще из России. Навсегда. Подкрепив это предложение хорошим презентом в золоте и камнях Толстому и Головкину. Но не только подношением.

– А ведь ерунду взамен прошу, – выбирая из миски солёный огурец, пояснил князь. – Чин генерал-губернатора Мадагаскара да дозволение русскую Ост-Индскую кумпанию основать. На паях. И пайщики, – тут он, прервавшись, пристально посмотрел на собеседников, – пайщики неплохие ба-

рыши получат.

Александр Данилович знал, что делал. Остров Мадагаскар России был не нужен. Не имелось никаких государственных оснований для удержания острова. Планы предыдущего царствования отошли в прошлое вместе с покойным государём, и заморская губерния стала никчемной игрушкой. Для всех, кроме него. Но… если дальняя колония не нужна стране, это вовсе не значит, что она не может понадобиться некоторым высшим чинам этой страны, верно? Тем нескольким, которые станут получать из-за моря доход. Особенно, если этим нескольким как раз безотложно требуются деньги для борьбы за власть внутри правящей группировки.

Головкин и Толстой с таковыми суждениями согласились. Они не боялись интриг самого Меншикова, пусть даже объединившегося с проигравшим в подковёрной борьбе, обвинённым в заговоре, но всё ещё сильным вице-канцлером Остерманом. Однако возможность того, что отвергнутый ими князь пойдёт с тем же предложением к их недругам, вкупе с получением осязаемых, звонких подтверждений выгодности лично для них Мадагаскара… Да и отдавали они должное противнику, оба понимали – лучше Меншикова с обустройством кумпании в Индии никто не справится.

Светлейший, как за ним часто водилось, поставил на скорость. Понимая, что все его потуги предстать главой «третьей силы» в игре вокруг трона припугнут верховников ненадолго, он начал переговоры об отступлении практиче-

ски сразу, не дав опомниться и просчитать обстановку. Теперь его конфиденты были уверены, что князь желает получить кроме безумно прибыльного предприятия (а о доходах английской, голландской, датской Ост-Индских компаний они были наслышаны) ещё и положение почти бесконтрольного правителя немаленького, хотя и далёкого края. Это была понятная цена изгнания, которую они готовы были уплатить… вернее, вложить в качестве своего пая в торговое товарищество. Всегда приятно получить пусть рисковый, но весомый пай в коммерческом предприятии, в обмен на всего лишь отказ от добивания бывшего, давно по сути побеждённого, соперника.

Светлейший выиграл схватку. Уже через два дня, на заседании Верховного тайного совета, двенадцатилетний император твёрдо заявил по поводу Мадагаскара:

– А где российский флаг поднят, там спускать его не должно!

Предыдущий вечер он провёл в обществе Меншикова, чьи рассказы, подтверждаемые диковинами из южных морей, произвели на мальчика оглушающее впечатление.

* * *

Спустя полгода из Ревеля вышла Мадагаскарская флотилия. Кроме приведённых Светлейшим кораблей, в эскадре шли два линейных корабля и два фрегата, оставшихся со

времён прошлого царствования, да ещё три «купца», набитых не столько товаром, сколько людьми. Верховники, согласившись на посулы князя, воспользовались его отплытием в полной мере. Кроме самого Александра Даниловича с семейством, на остров отправились опальные Остерман, Абрам Петрович Ганнибал и несколько гвардейских офицеров рангом поменьше, показавшиеся власть предержащим в России лишними. Кроме них за море плыли и охотные люди разных сословий, рота солдат и набранные на юге казаки.

А с мостика флагмана без сожаления смотрел на удаляющийся берег генерал-губернатор острова Мадагаскар, генерал-адмирал (ордена князю вернули, а чин решили пожаловать сугубо морской, без восстановления армейского) Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Человек, в одиночку завоевавший, а после и сохранивший Мадагаскар для России.

Вместо эпилога

18 января 1745. Западный берег острова Мадагаскар, устье реки Велибука

Куренной с неохотой отнял подзорную трубу от глаза. Труба в золотой инкрустации, с пластинками слоновой кости нравилась ему давно, и отдавать её хозяину, лежавше-

му справа Ахметке, не хотелось. Однако пришлось. С неудовольствием поглядев, как прибившийся год назад к кореню басурман аккуратно прячет инструмент в футляр, атаман вздохнул и вопросительно посмотрел налево. Удобно залёгший под кустом третий казак, бывший боцман с брига английской Ост-Индской компании, сбежавший на Мадагаскар после ссоры с капитаном и последовавшей порки, в ответ на взгляд флегматично заметил:

– Два фрегата. Королевский флот, по тридцать восемь пушек. Похоже, те, что датчан позавчера на берегу пожгли.

Про датчан в станице знали с вечера, когда прискакал взмыленный Юргенссон, тамошний голова, рассказавший, что подошедшие с моря два британца расстреляли деревню из орудий.

– Давно Кнуту говорено: нечего на самой кромке село ставить, – буркнул Игнат. – Кто ж так делает – подходи с моря, бери что хочешь.

Бывшим морякам датской компании, потерявшим корабль в шторм, спасённым русским фрегатом и не пожелавшим возвращаться на родину, куренной такое опасение и вправду высказывал. Ан вот, не убедил.

– Они рыба любят, рыба ловят, а носить рыба далеко не хотел, – весело ухмыльнулся Ахмет. – А кораблик, слушай, хороши, да-а?

– Гут корабел, – согласился бывший боцман. – Надо гонцов в волость слать, атаман. Одни не сдюжим.

– Какой волость? – взвился араб. – Бачка атаман, волость пошли – войска прислали, наша без дела совсем останется! Сам большой фрегат возьми – золото купаться будем!

Как обычно, от волнения бывший аденский пират начинал коверкать русский язык всё сильнее. Атаман же размышлял. Месяц назад он выдал замуж старшую дочь, дав немалое, годами набегов скопленное, приданое. Выдал удачно, зять, городской врач-голландец, был человеком рассудительным, небедным и при казачьей непредсказуемой жизни чрезвычайно полезным. Однако у Игната Чернозуба имелась и вторая дочь – погодок. Как раз на выданье. Так что поправить денежное положение не мешало. С другой стороны, рисковать, бросаясь на великолепно выглядевшие фрегаты, представлялось опасным. Ахметке что? Убьют и убьют, никто и не вспомнит. А тут семья…

Он перекатился к краю холма, за которым казаки устроили себе ухоронку, взглянул на море и поинтересовался у Стэмпа, давно прозванного Стопковым:

– Слышь, Джо, а людишков-то на кораблях по скольку наберётся?

– Сотни по три, – прикинул тот. – Считай, из Англии идут, полный экипаж.

– Шесть сотен, – разочарованно протянул куренной. – А в курене мужиков всего семь десятков…

– Так можно мальгашей позвать, – мгновенно придумал Ахмет. – Сакалавы ж вчера только на торг приходили? Они и

стрелки отменные, и подраться любят. И из добычи ружьями возьмут, на золото не польстятся. Человек три по ста их будет.

– Откуда там золото, – отмахнулся Чернозуб. – Из дома идут. Вот сами корабли – да-а… А что если…

План, придуманный куренным, был рассчитан на жадность британцев и их неискушённость в местных обычаях. Как и ожидалось, переночевав на корабле, утром флотские спустили четыре шлюпки, на которых послали дозорных обследовать берег. Там их ждали: на высадившихся моряков налетели два десятка конных, среди которых выделялся разодетый «по-восточному» и обвешанный золотыми побрякушками Ахметка. Золотые украшения собирали по всему куреню, надо было произвести впечатление.

Англичане, как и ожидалось, растерялись ненадолго и, быстро перестроившись, начали отстреливаться, однако налётчики тут же скрылись. При этом с разукрашенного «предводителя» слетела притороченная к седлу сумка, похоже, сбитая пулей. Сумку с содержимым представили командующему эскадрой, который, обнаружив внутри кроме десятка золотых монет карту, пришёл в восторг…

* * *

– …не поверит, – твёрдо заявил Игнат. – Ну вот скажи, ты б сам поверил?

– А и поверил бы, – шёпотом огрызнулся Ахмет. – Что такой? Карта датский язык писано, недалеко от берега город рисован. Написано – с храмом и дворцом раджи! Чего не то? Датский не английский, ан буквы одни. Разберут, коли захотят.

– Захотеть – захотят, – согласился атаман. – Но послать отряд далеко от кораблей? И потом, ну откуда тут, на Мадагаскаре, раджа?

– А если про раджа не писал – не клюнут. Раджа – золото. Нет раджа – золото, может, тоже нет. А так – точно есть…

Препирались они, лёжа в засаде уже давно и скорее от скуки. Но увлеклись, и потому отваливающие от фрегатов шлюпки с десантом первым увидел Стопков. Атаман не ошибся, командир британцев не стал упускать возможность немного подзаработать. Ведь Мадагаскар, известно, остров пиратский, и местный раджа – явная и законная добыча честного английского офицера, правильно? Правильно. Но не в этот раз.

Колонну моряков в триста человек перехватили в самом удобном, отмеченном на подброшенной карте как окрестности города, месте. Узкая пустошь перед каменистыми пригорками, поросшими местным, жёстким кустарником, что может быть лучше? Растянувшегося неприятеля оглушили внезапным залпом с трёх сторон, выбившим половину отряда, после чего пошли на сшибку. Английские моряки, будь они на привычной орудийной палубе или хотя бы в строю, –

представлялись бы противником нешуточным. Но вот так – после шестичасового марша по жаре, после косящего ряды мушкетного залпа почти в упор, да против семи десятков провоевавших «за царя и Мадагаскарскую кумпанию» с малыми перерывами никак не меньше чем лет по пять казаков, и почти двух сотен воинственных туземцев? Нет, так подданные Георга II сражаться не могли. Во всяком случае, долго.

Под утро часовые на королевских фрегатах из ополовиненного экипажа могли бы расслышать тихий плеск воды под палубами, но… волнение, хоть и небольшое, на море наличествовало, и звуки плескавшей в борт ряби сделались за время вахты привычными. Никто не помешал подплывшим казакам подняться на палубу, прирезать бодрствующих, а затем и дать сигнал ждущим в отдалении главным силам. По сотне человек на каждый корабль против спящей команды, итог очевиден…

* * *

О том, что посланные в Индийский океан два фрегата теперь входят в состав русского Индийского флота и называются «Пётр I» и «Пётр II», британское адмиралтейство узнало лишь полгода спустя, после того, как упомянутые фрегаты были отмечены среди обстреливающих Калькутту… Но это уже совсем другая история.

Артём Гуларян
Один день из жизни Артёма Борисовича

Может стать, что смерть
Ты найдёшь за океаном,
Но всё же ты от смерти не беги.
Осторожней, друг, —
Даль подёрнулась туманом,
Сними с плеча свой верный карабин.
Ночью труден путь,
На востоке воздух серый,
Но вскоре солнце встанет из-за скал.
Осторожней, друг, —
Тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар.

Юрий Визбор. Мадагаскар

День отдыха, который я сам себе наметил, накрылся медным тазом.

Это в детстве медный таз напоминал мне о нашей усадьбе в селе Ананьевка под Орлом. Как сейчас вижу: вот крестьяне, ломающие шапку при виде приехавшего из города маленького барича… Вот бабушка и две её кухарки, Ася и Марфа, варившие в большом медном тазу варенье из китайских яблочек… Тех, которые отправляют в рот целиком. Но

в кадетском отрочестве медный таз изменил своё значение – это то, чем накрываются дела у безалаберного кадета.

А планы на отдых и полное безделье были у меня наполеоновские. После почти полутора месяцев мадагаскарских джунглей – месяц безмятежной жизни на самом большом корабле Российской империи. Авианосец «Святогор» поражал воображение и был по-своему красив. Утилитарно красив.

И какого качества здесь комфорт! Офицерская столовая в правом корпусе корабля (она считается престижнее, чем в левом) с длинным столом, застеленным белоснежной крахмальной скатертью, подогретые перед подачей столовые приборы (форсят, форсят морячки!), прекрасно вышколенные ординарцы. Хозяева безукоризненно вежливы, так что понятно: с такими нужно постоянно держать ухо востро, иначе нарвёшься на флотскую подначку… С «верхним чутьём» у меня и моих офицеров всё в порядке. А вот светскость в мангровых зарослях улетучилась напрочь. Поэтому мы чувствовали себя несколько скованно, несмотря на благожелательность моряков. Что, в свою очередь, провоцировало последних подначить неуклюжих спецназовцев… И чутьё меня не подвело, как всегда. Один из присутствовавших за столом морпехов в звании поручика в конце светской беседы с одним из моих поручиков не нашёл ничего лучшего, как поддеть его:

– Ну что, *«морской конёк»*, это вам не *«брикеты»* в джунглях лопать!

Повисла неловкая тишина. Хозяин стола, старший офицер корабля, испепелял неудачного шутника взглядом. Все остальные взгляды, брошенные прямо или искоса, адресовались мне. В команде «морских коньков» я старший по званию, мне и нужно сгладить острые углы. Но, во-первых, оскорбление было нанесено не отдельному моему подчинённому, а всему Его Императорского Величества военно-морскому спецназу в его лице. А во-вторых, с этими морскими пехотинцами у нас старая «любовь до гроба» (неизвестно только, до чьего). Мы воплощаем собой их ночной кошмар, ибо принадлежат они к антидиверсионной группе корабля и учили их убивать таких, как мы. Поэтому ничего улаживать я не стал.

– Универсальным сухим пайком, в просторечии именуемым «брикетом», пользуется простая, *«без претензий»,* морская пехота, господин поручик, – произнёс я холодно. – Ещё они есть у воздушного десанта и штурмовых бригад. Вы, насколько я знаю, ими не пользуетесь, ибо в джунгли не ходите. Доблестный спецназ Его Императорского Величества сухим пайком тоже не пользуется, поскольку исповедует принцип: «Бери не то, что может пригодиться, а то, без чего не можешь обойтись». Даже тренированный человек не может долго нести на себе груз, больший трети веса собственного тела. Это оружие, боеприпасы, медикаменты, гамак. Еда в означенный комплект не входит. Наша еда бегает и прыгает в лесу. А также ползает…

Тут я краем глаза увидел, что сидевший рядом со мной каперанг начинает зеленеть, и поспешил закончить свою тираду:

– Всё это более вкусно, чем упомянутые вами сухие «брикеты», молодой человек. Но не к столу будет сказано… не к столу…

Из столовой я вышел отяжелевшим. И не потому, что переел, а потому что отвык есть. Всё-таки эти пищевые концентраты пайка не сравнятся с хорошей кухней. А подножный корм… Бр-р-р! Зато впереди месяц почти безделья (подготовка отчёта, проведение тренировок и тактических игр с личным составом – не в счёт), хорошая еда, общение с военно-морской кастой. Будет много всего – и светских бесед, и флотских подначек. Так что к Порт-Артуру восстановлю навыки светского общения. А заодно закончу совершенно секретный верноподданнический доклад по поводу новых «Крабов» – малых подводных лодок спецназа «Морской конёк», которые мы опробовали в водах вокруг Мадагаскара. Его Императорское Величество Государь Император оказал своему морскому спецназу большую честь и распорядился провести на острове большие военно-морские учения с использованием новой техники. Техника оказалась на высоте – конструкция «Крабов» оказалась очень удачной, и эти маленькие вёрткие машины позволяли нам совершать внезапные удары с моря, обходить минные поля и надёжно прятаться в мангровых зарослях болот. Этого нельзя сказать о людях

– спецназ понёс небоевые потери – один человек был эвакуирован с диагнозом «неизвестная разновидность геморрагической лихорадки». Ещё два человека, укушенные змеями, отказались от госпитализации. Я не настаивал, решив, что спецназу будет полезно потаскать с собой «условно раненных», чтобы максимально приблизить условия учений к боевым. Чтобы подчинённые на себе испытали, что стоит за гордым девизом «Спецназ своих не бросает» в тот миг, когда почти все задействованные силы – морская пехота, сухопутный спецназ и сапёры, и даже «Святогор» с его авиацией – навалились на них со всех сторон.

Поэтому, ожидая, пока мои офицеры займут установленный порядок движения, я быстро спросил у своего адъютанта:

– Как там с Малышевым?

– Помещён в лучшую клинику Мумбайя, – ответил мой адъютант капитан Володьев. – Состояние стабильно тяжёлое.

– Паша, – прошипел я ему на ухо, – *телеграммируй* им, что в средствах стеснения не будет… Пусть наши индийские братья требуют, чего хотят, но человечка моего на ноги поставят!

Капитан Павел Володьев коротко кивнул. Он знал, что мне перечить бесполезно. Хотя лечение солдат Его Императорского Величества Государя Императора полностью отнесено на казённый счёт, я считал своим долгом взять расходы на себя. Как дворянин и состоятельный человек.

Старший офицер корабля вместе с командиром антидиверсионной группы представили мне провинившегося как «приданного в моё распоряжение для сопровождения внутри корабля». Отрекомендовался он мичманом Александром Колесниковым. Впервые я попал на «Святогор» пять лет назад и довольно прилично ориентируюсь на корабле, но приставили ко мне провинившегося в качестве моральной сатисфакции, чтобы провинившийся *проникся*, и я эту сатисфакцию принял. К слову, у нашего «вероятного противника», англосаксов, антидиверсионные группы называются почему-то антитеррористическими. Смешно. Как будто доморощенные латиноамериканские пистолейрос или ирландские бомбисты могут задумать штурмовать военный корабль. Нет, это под силу только нам, людям, которых готовила держава. И то пять лет назад мы недопустимо долго провозились с гражданским судном…

Нужно было проверить, как разместили моих людей, поговорить по даггерофону с родителями и с женой, и я совершенно свободен. Но человек предполагает, а Господь располагает… Первый звонок о грядущих неприятностях и безумных хлопотах этого дня прозвенел на палубе «Четыре-Дэ», как назвал её сопровождающий нас поручик. В широком коридоре дрались человек десять. Дрались неприглядно, непрофессионально. С точки зрения современного спецназа (что нашего, что французского, что англосаксонских наций), драка вообще является непростительной рос-

кошью. Не сможешь «успокоить» противника одним ударом – не связывайся с ним. Или примени оружие.

Посмотрев на сопровождающего нас поручика Колесникова (не будет возражений?), я кивнул своим младшим офицерам, и те бросились успокаивать дебоширов. Скобка… Подсечка… Мельница… Двойная скобка… Мать твою! Что это было? Что-то из корейского тэквондо… Ну да, кореец… И уже отдыхает… Но моего Фёдорова чуть было не достал. Наконец драчуны успокоены, призваны к порядку и выстроены вдоль стены, готовые к употреблению. Поскольку я оказался ближайшим к месту ЧП воинским начальником, мне предстояло в нём разбираться. И назначить наказание. Конечно, моряки могут оскорбиться, но такова сложившаяся практика военной юстиции… Слева от меня морские пехотинцы, но простые, *«без претензий»*, справа техники, все из экипажа корабля. Лица злые, и лица разные. Морпехи наши, в смысле славяне или прибалты… Скорее всё-таки прибалты, у славян лицо попроще… Техники как на подбор – корейцы. В империи теперь много корейцев, особенно после того, как мы присоединили Маньчжурию, а государство Корё объявило себя союзником Белого Царя. Так что получается, православные! Конфликт на расовой почве? Но расовая терпимость великороссов (взгляд в сторону морпехов) вошла в притчу ещё во времена освоения Мадагаскара, когда первые две экспедиции за два поколения просто смешались с мальгашами. А корейцы (взгляд в сторону техников)

просто счастливы русским подданством.

Ткнув пальцем в грудь ближайшего морпеха, я гаркнул:

– Фамилия! Звание! Часть!

– Адреас Клаазен, фельдфебель, Третья отдельная морская бригада.

Вот всё и разъяснилось…

– Гражданин Трансвааля или Оранжевой республики? – для порядка уточнил я.

– Трансвааля, ваше высокопревосходительство!

Всё стало ясно. Буры считались нашими союзниками, охотно поступали на службу Государя Императора, но в отличие от нас, славян, расовой терпимостью не отличались. Я с брезгливым любопытством осмотрел этого Анику-воина. *Интересно, ты спал с африканками или только с белыми женщинами? Если спал, то как можно считать цветных ниже себя? Это уже похоже на скотоложство…*

– В чём причина конфликта?

Бур оказался человеком тёртым. Или достаточно послужившим у нас, что, по-моему, одно и то же. Во всяком случае, он не стал выгораживать ни себя, ни других, но чётко ответил:

– Виноваты, ваше превосходительство!

Слишком по-русски. Буру не идёт. Ощущение какой-то игры, натянутости… Неестественно прозвучала фраза…

Я ткнул в грудь ближайшего техника:

– В чём причина конфликта?

Ментальность азиатов отличается от нашей, той самой, которую попытался сымитировать бур. Заложить ближнего своего для них в порядке вещей. Кореец сказал не чинясь:

– Эта обзывай наша жёлтый обезьяна. А мы отвечай, что хотя и жёлтая, но подданный Белый Царь, а бур, хотя и белый, только русский союзник, и без Белый Царь звезда гавкайся…

– М-да-а… – протянул я и качнулся с пятки на носок, и с носка на пятку. – Объявляю, что вы все шельмы, судари мои, и все не правы! Вы не правы, – обратился я к насупившимся бурам, – поскольку человек на службе Его Императорского Величества не имеет права делить сослуживцев по расовому, религиозному и национальному признаку, тем более, сравнивать его с животным, поскольку служба державе Российской превыше указанных различий.

Сказал, и сам восхитился: как вовремя из меня выскакивают эти казённые фразы. Сказать бы вам по-простому: козлы, нашего великого Пушкина и его матушку вы бы на порог не пустили: кучеряв, смугл, и синева под ногтями – все признаки мулата. Ещё бы – ведь в русском национальном поэте есть и эфиопская, и мальгашская кровь.

– Вы тоже не правы, – это в сторону корейцев, – ибо подданство российское, хотя и является предметом законной гордости, накладывает на человека, в первую голову, обязанности, и только во вторую дарует права. И гордиться им перед лицом других служащих государя стыдно. А посему на-

значаю вам всем по пять суток гауптвахты по прибытии в Порт-Артур.

Тоже нашли чем гордиться: без великороссов никуда. Да что было бы с вашей Кореей, не будь Великой России. Японцы бы давно скушали. Ещё в начале прошлого XX века.

– Ты, – палец упёрся в грудь щуплого корейца, едва не попавшего пяткой в ухо Фёдорова, – как звать?

– Ким Чер, – ответил техник.

– По отбытии наказания – ко мне, – в моих пальцах появилась новенькая визитка с официальными данными нашего вербовочного пункта, отпечатанная здесь же, на корабле. Визитка отправилась в нагрудный карман комбинезона. Стоит испытать человека. Если выдержит – одним спецназовцем будет больше. Не выдержит – значит, бог не дал.

– Разойдись! Довести до командиров моё распоряжение!

Через десять секунд в коридоре находились я, группа «морских коньков» и приданный нам поручик. Как хорошо быть генералом…

Да, но положение буров хуже губернаторского. Капская колония англичан – слишком беспокойный и опасный сосед. Англосаксы крепко держат Атлантику, примерно как мы – Индийский океан или как французы – Средиземное море. Пытаясь сломать сложившееся в мире равновесие, британцы беспокоят бурские республики… У них за спиной маячат Северо-Американские Соединённые Штаты, а чуть поодаль ждут своей очереди на Большую Игру ещё два претендента

– Аргентина и Бразильская империя. Но не будем о грустном…

Разняв драку и наказав виновных, я вдруг вспомнил, что во время наших мадагаскарских приключений и командир, и подчинённые порядком поизносились. В частности, пора бы поменять мою нарукавную нашивку – «Морской конёк» в овале. Как у генерала, мой морской конёк золотой, у офицеров – серебряный, у рядовых вольноопределяющихся – бронзовый. И мы всей весёлой бандой отправились на разграбление корабельной маркитантской лавки.

При нашем появлении главный маркитант корабля, средних лет мальгаш, вытянулся в струнку:

– Что желает ваше превосходительство? – Он решил заняться мною лично, оставив офицеров заботам подчинённых.

– Его превосходительство желает новую нарукавную нашивку, – в тон ему сказал я, – «Морской конёк». Золотую. Согласно уставу.

Мальгаш покачал головой и развёл руками:

– Вы же знаете нашу российскую расхлябанность. На Мадагаскаре не погрузили, придётся подождать до Кореи.

– А мы разве идём в Чемульпо, а не в Порт-Артур? – удивился я.

– Ой, извините, я, наверно, перепутал, – русский мальгаша был безупречен, – конечно, в Порт-Артур, в Чемульпо мы можем стоять только на внешнем рейде…

Чтобы не уходить из лавки с пустыми руками (да и жарко было на корабле), я купил у маркитанта имбирного кваса (он тут же предложил мне двадцать сортов этого напитка), привычным движением потянул за боковое ушко, переждал шипение и снял пробку. Отпил добрую треть. К видимому удовольствию хозяина лавки.

– Чисто говорите по-русски. Что кончали? Императорский институт Бунге?

– Нет, куда нам, – мальгаш кажется, даже шаркнул ножкой под стойкой, – а русский… как можно быть русским подданным и не говорить хорошо по-русски!

Словосочетание «Русский подданный» этот человек выделил так же, как я пять минут назад в коридоре – словно прочитал с большой буквы, и я невольно заинтересовался им:

– Как вас зовут, уважаемый?

– Иван Рававодина.

Целую минуту я переваривал про себя эту мальгашскую фамилию. Или я плохо знаю мальгашский, или… Потом до меня дошло: частица «Ра» – мальгашская приставка к фамилии и переводится, как «Уважаемый». Если её отбросить… Ну да, наш русак, потомок поселенцев XVIII века, наверно, прибывших на остров ещё с Александром Меншиковым или с Абрамом Ганнибалом. Смешались с местными, исказили фамилию на мальгашский лад…

– Уважаемый господин Воеводин, я с удовольствием вы-

пил бы с вами, если бы на «Святогоре» не было бы сухого закона… Но это исправимо. Итак, до берега?

– До берега, ваше превосходительство!

– Не чинитесь. Для вас – Артём Борисович.

Настроение резко пошло вверх, и я, мурлыча себе под нос непристойную кадетскую песню про летние манёвры, помчался к своим вольноопределяющимся. Колесникова, правда, пришлось пропустить вперёд в качестве путеводного клубка из сказки. Всё-таки такой огромный боевой корабль трудно изучить полностью, особенно если не служишь на нём постоянно. И потом… Я, например, начинку «Принца Уэльского» представляю себе лучше, чем начинку «Святогора»… Хорошо, что Колесникова ко мне приставили. Да и парень он оказался ничего, я бы его в «морские коньки» взял. Кто вообще догадался посадить за столом рядом диверсанта и антидиверсанта?.. Осмотрев предоставленный спецназу кубрик, я не нашёлся, к чему придраться. Российская армия традиционно придерживается аскезы в быту, начиная с Петра Великого, но флот всегда считался исключением. Как бы ребята не разбаловались… Решено!

– Господа спецназ! – обратился я к подчинённым, вытянувшимся по двое в проходах между двухуровневыми койками. – Мы хорошо поработали «в поле», но это не значит, что можно расслабляться. Тренировки в обычном режиме. Правда, мы сейчас на чужой территории, на военном корабле. Значит, график приспособим к морякам. Сегодня по-

сле окончания полётов – все на палубу. Бегать! Рукопашный бой! Два часа, до упаду. Утром повторим. И так ежедневно. Свободного времени не будет. После утренней разминки занимаемся английским и испанским, потом – репетируем боевое расписание, а потом – разбегаемся по кораблю, как тараканы. Через неделю вы все должны знать корабль, как свои пять пальцев. После этого будем отрабатывать варианты его захвата…

Краем глаза я замечаю, как Колесников побледнел от моих слов. Но порадоваться собственной удачной шутке мне не дали.

– А на дно пускать будем, как «Уэйкфилд»? – это прорезался мой умник, вольноопределяющийся Степанов.

Ё… Т… М…! Да кто ты такой, чтобы ТАК шутить о «Тройном инциденте» при мне! При мне и при других, прошедших ту мясорубку! Передо мной снова стал, как наяву, огромный амфитеатр Вальпараисо, город, сбегающий по этому амфитеатру к бухте, взорванный и объятый огнём корабль у причала и винтокрылы с эмблемами Королевских ВВС Испании, заходящие прямо на нас…

– Разговорчики в строю! – гаркнул я. – Р-р-рядовой Степанов! Два наряда вне очереди за разговорчики в строю!

– Есть, ваше превосходительство, два наряда вне очереди!

– Господа офицеры! Занимайтесь с личным составом! – и, поворачиваясь к мичману, на два тона ниже: – Благоволите проводить меня на «башню», Александр Григорьевич!

Идя по коридору и стараясь не налететь на спину Колесникова, который в свою очередь старательно делал вид, что ничего не происходит, я вполголоса выговаривал своему адъютанту:

– Хороший будет спецназовец… Стервец… Просто у него такой этап – когда пообмявшийся в службе человек начинает умничать. Нет, ну какой стервец… Нужно проверить, слышишь, проверить, кто ему подал мысль так пошутить… Да не в моих чувствах дело… Да, считай, что у меня паранойя… Вот ты можешь мне поручиться, что у нас в команде нет жандармского осведомителя? Или, на худой конец, в переборках не сидит пара их *«клопов»*? Вот и действуй.

После того как в битве при Сарагосе жандармы генерала Мило полегли практически все, Наполеон придал уцелевшим функции военной полиции с особыми полномочиями. Император Павел тут же оценил новшество союзников и повелел завести жандармов у себя. Нововведение не только прижилось на русской почве, но и неожиданно расцвело пышным цветом, срослось с Тайной канцелярией и превратилось в жупел для вольтерьянствующего дворянства. Простые военные жандармов тоже недолюбливают, хотя и признают их заслуги перед престолом.

– У тебя снова лицевой тик, Артём, – шёпотом ответил Павел.

Моим адъютантом он был уже пять лет, пройдя вместе со мной ту приснопамятную экспедицию с начала и до конца.

Только на «башне» авианосца (в англосаксонских странах называемой почему-то «островом») можно понять, насколько велик «Святогор». Огромная полётная палуба покоится на катамаране. Мы, русские всегда испытывали слабость ко всему огромному. Здесь и Царь-пушка Чохова, которая не стреляет, и Царь-колокол Моториных, который не звонит, поскольку только после водружения его на звонницу Ивана Великого выяснилось, что его звон разрушит колокольню за десять лет. Плавучий остров проектировался и строился как «аэродром подскока» для стратегических бомбардировщиков в «Решающем конфликте». В час «Ч» он должен был выйти в Атлантический океан… Но негласно считалось, что корабль, несущий на борту половину атомного арсенала империи, одним своим существованием отведёт возможность первого атомного удара от её территории. Вот и плавает по синему морю Царь-корабль, созданный для войны, которая, дай бог, никогда не случится. Нет, пару раз он использовался по своему прямому назначению, в том же «Тройном инциденте»…

Командир корабля, адмирал и великий князь Георгий Александрович, был здесь же. Мы поздоровались, как старые знакомые. *Даггерофон*? Артём Борисович, какие пустяки! Степан Петрович, организуйте связь господину генералу.

Матушка так и не привыкла к даггерофону, хотя я установил это чудо XXI века в нашем городском доме три года назад. Нажав при этом все рычаги, доступные представите-

лю знати, и истратив немалые средства. Мотаясь по земному шару, приятно иногда видеть родные лица, злоупотребляя при этом служебным положением. Но матушка нового устройства до сих пор опасалась и вела себя перед камерой немного скованно. Я неправильно понял эту скованность, испугался, что батюшке снова плохо, но потом всё разъяснилось. Всё спокойно, всё в порядке, Драгомиров на лошадке. Все здоровы. Батюшка уехал в имение, у него большая стирка: мылит шею новому управляющему…

Потом место перед камерой видеофона заняла жена, Леночка, Елена Камиловна. Она у меня из старинного дворянского рода, но дед её, известный чудак, вольтерьянец, назвал своего отпрыска Камиллом. Говорят, в честь известного деятеля французской революции Камилла Демулена. Отец Елены принимает своё своеобразное имя с христианским смирением, и этим смирением добился того, что окружающие воспринимают это имя спокойно. Во всяком случае, в Академии Художеств, которую он с недавних пор возглавляет, не ходит на этот счёт никаких шуток.

– Катись, яблочко наливное, по белу блюдечку, покажи Леночке страны дальние…

Жена расцвела, как цветок.

– Здравствуй, родной! Как давно ты не телефонировал. Я так скучала без тебя.

– Это не телефон, а даггерофон, Лена. Видишь меня хорошо? А у тебя всё хорошо? Как родители, отец?

– Прекрасно! У него новый заказ от самого государя на картину «Заседание Государственного совета». Пока делает наброски с государственных мужей. Обер-прокурор Синода Жириновский уже по своему обыкновению кричал на папу, ему, видите ли, не понравился набросок…

– Владимир Вольфович в своём репертуаре… Ему бы только старообрядцев гонять по Сибири… А что отец?

– Ни слова не говоря, подписал и подарил Жириновскому злосчастный рисунок… Знаешь, Жириновский тут же успокоился и теперь хвалится окружающим этим рисунком самого президента Академии Художеств…

– А как твои дела?

– Я летом собираюсь поехать по монастырям, рисовать. Думаю заехать на Светлояр – поклониться Китежу. Ты со мной поедешь?

– Нет, милая. Я к этому времени не освобожусь. Служба.

Узкие сжатые губы.

– Это в самом деле невозможно отменить? У тебя там, на периферии никого нет? Ты мне не изменяешь?

– Окстись, графинюшка! Ты моя самая любимая! Вот тебе крест, – и я истово, по-православному, перекрестился.

Елена мгновенно успокоилась и переключилась на домашние дела:

– Студенты отца нас беспокоят – скоро просмотр, а ему некогда заниматься ими. Из-за заказа. Так что я взяла его заботы на себя…

Время вышло, экран угас. Офицеры занимались своими делами, преувеличенно не замечая меня. Соблюдали политес. И конечно, безумно мне завидовали.

Великий князь взял меня за локоток:

– Таки никого нет? А как же Ли Янь Сунь – лучшая девушка Азии?

– Скажи, Георгий, я должен посвящать жену в мои служебные дела? Нет, это прямо запрещено инструкциями и установлениями империи. Если бы мои домашние знали всё о наших с тобой делах – каждый отъезд из дома превращался бы в чёрт знает что, прости господи. Помнишь, сколько пришлось убеждать матушку, что весь «Тройной инцидент» я просидел рядом с тобою на корабле и командовал своими людьми по радио? Так зачем жене знать и о Сунь Ли, волноваться?

– Вывернулся… Завидую тебе, Ананьев. И что это бабы на тебя вешаются?

– Сам не знаю, Георгий. Уже и военных психологов спрашивал – только руками разводят.

Мы посмеялись удачной шутке.

– Ладно, хочешь посмотреть, что пишут газетчики о наших старых делах?

– Изволь.

Великий князь подал мне свежий номер «Московского телеграфа», отпечатанный в типографии корабля по гранкам, пересланным в электронном виде по радиотелеграфу.

Я быстро пробежал заголовки:

«Новый виток напряжённости между Континентальным союзом и Атлантическим договором! Французский „мираж“ атакован британскими „фантомами“ над Па-де-Кале».

«Испанское королевство уже сейчас готовится к празднованию двухсотлетия Сарагосской битвы».

«Жозефина Лакрафт, праправнучка великого Мюрата, привезла в Москву выставку своих картин». *(О! Елене наверняка будет интересно.)*

«Русско-французская акционерная компания Суэцкого канала объявила о выпуске нового пакета привилегированных акций». *(Стоит купить через своего стрячего.)*

Вот! «Юбилей Тройного инцидента: итоги и перспективы». Я посмотрел фамилию автора – «Михаил Леонтьев». Однако…

«Прошло пять лет с того времени, когда подразделение русского спецназа во главе с полковником Ананьевым атаковало смешанную британо-испанскую эскадру в Вальпараисо, главном порту Испанской империи на Тихом океане».

Тоже мне, эскадра. Один лайнер-трансатлантик и несколько эсминцев, ракетные катера – мелочь пузатая, лайбы. Если бы в порт вовремя подтянулись бы линкоры – «Принц Уэльский» и «Сид Кампеадор» со своими «антитеррористическими» группами и большой десантный корабль

«Веллингтон» с валлийскими гвардейцами на борту, – то нам бы там просто ничего не светило.

> «Спецназ частично взорвал корабли, поджёг портовые склады и без потерь отошёл под прикрытием авианосца „Святогор“».

Все потери, в том числе необратимые, мы тогда унесли на руках: планировалось не оставлять никаких следов. Пришли ниоткуда и ушли в никуда. Но не получилось: мы превысили лимит времени, и поднялась тревога. И когда Королевские ВВС Испании стали нас поджаривать, Георгий Александрович по своей инициативе подошёл к берегу и стал напротив Вальпараисо. Досталось ему потом от Августейшего Дяди!

> «Присутствие флагмана Российского Императорского флота у берегов Испанского вице-королевства Чили удержало Британию, Испанию и стоявшие у них за спиной Северо-Американские Соединённые Штаты от эскалации конфликта. Таким образом, была сорвана последняя попытка наших постоянных противников дотянуться до последней неосвоенной на земном шаре территории – Малого Южного материка, называемого в англоязычных странах Австралией.
>
> Участники этой операции были осыпаны почестями, а командир десанта был возведён в графское Российской империи достоинство. Единственный, кто остался обойдённым наградой, – великий князь

Георгий, один из выдающихся флотоводцев страны. И это наводит на определённые размышления о соответствии официальной версии событий реальному положению вещей…»

В точку!

«Но размышления вызывает не только это, но и причины самой операции. Существование целого неосвоенного материка является результатом геополитической неуравновешенности нашего мира. Вот уже полтора столетия два блока противоборствующих держав в полном смысле слова блокируют друг друга, не давая спокойно развиваться ни себе, ни противостоящей стороне. Геополитическая граница между ними сложилась к сороковым годам XIX столетия и с тех пор существенно не менялась. Мексиканская авантюра Наполеона III и Марокканский кризис начала XX века показали, что англосаксонские нации и Испания легко блокируют активность Континентального блока в Атлантике. Англо-бурская война подтвердила подобное же положение в бассейне Индийского океана в отношении британской активности. Единственный геополитический театр, на котором не сложилось устойчивого равновесия, – это Тихий океан, оказавшийся на периферии великого геополитического разлома. Ни Российская империя, контролирующая северную часть Великого океана, ни Французская империя, контролирующая его середину, ни Испанское королевство, сумевшее, несмотря ни на

что, сохранить колонии на западном побережье Южной Америки, не имели ни сил, ни желания осваивать эту территорию. После Филиппинской войны между Францией и Россией с одной стороны и Испанским королевством с другой крупных потрясений на Тихом океане не было.

„Тройной инцидент“ красноречиво свидетельствует, что в истории неосвоенного материка наступает новое время. Державы присматриваются к Малому Южному материку и пристально следят за приготовлениями друг друга. Новая война не началась… Она уже идёт пять лет. Российская империя лихорадочно тянет вторую ветку Транссиба и открывает новые судостроительные мощности в Порт-Артуре, а также спешно укрепляет военную базу Форт Росс. Франция укрепляет свои базы в Сингапуре и на Филиппинах. Северо-Американские Соединённые Штаты начали строительство второй ветки железной дороги на запад из Далласа через Эль-Пасо в Финикс и подписали с Испанией соглашение о строительстве канала через Панамский перешеек в вице-королевстве Новая Гранада. Таким образом, мы стоим на пороге невиданной, мировой по своему характеру войны. Причина этой войны – неравномерность развития нашего мира».

Я сложил газету и свернул её ещё несколько раз.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросил меня Георгий Александрович.

– Ты спрашиваешь меня как начальник или как однокашник по кадетскому корпусу?

– А есть разница?

– Ну, в доверительности…

– Тогда ответь мне как старый друг.

– Я сам часто об этом думаю. Посмотри, сколько учений провели мы в последнее время! Значит, твой дядя тоже об этом думает. Боюсь, что Леонтьев прав. Он сукин сын, но умный сукин сын. Будет война, будь она неладна. Главное – мы не можем сейчас воевать. Никто не может сейчас воевать. Рано или поздно на головы воюющих посыплются атомные бомбы…

Не успел я попрощаться с великим князем, как экран даггерофона снова осветился. На этот раз вызывали нас. В ярком квадрате показалось знакомое по новостным передачам и газетам лицо – управляющий Императорской аэрокосмической компанией генерал Николай Севастьянов.

– Добрый вечер, ваше высочество.

– Рад вас видеть, ваше превосходительство.

– Вынужден огорчить, Георгий Александрович, но вашему кораблю придётся задержаться в Индийском океане и даже развернуться обратно, к Мадагаскару. Мы срочно «снимаем» с орбиты «Корвет-7», наш цейлонский космодром принять его не может по погодным условиям. Придётся сажать его на «Святогор». Высочайшее разрешение получено.

– Когда ожидается посадка?

– У вас есть два часа.

– Вполне укладываемся.

– Желаю удачи, Георгий Александрович. Расчётную точку и все данные передадут вам с электронными гранками высочайшего приказа мои люди по радиотелеграфу. До свидания, ваше высочество.

Севастьянов отключился.

Великий князь тут же начал распоряжаться: объявил аврал, приказал проверить всё, что можно, и закрепить всё, что можно, просмотрел бумаги, переданные по радиотелеграфу. Я отправил Володьева к «морским конькам», постоял некоторое время, похлопывая газетой по собственному бедру, потом подошёл к адмиралу:

– Георгий, будь добр, запроси погоду над Цейлоном. Для меня.

Георгий Александрович взглянул заполошно, но потом всё понял, вывел на главный экран карту погоды и недоумённо повернулся ко мне:

– Над Цейлоном ясно, ветер средний, погода идеальная.

– Будем считать, что генерал Севастьянов оговорился, и на космодроме ремонт посадочной полосы, – я помахал перед носом князя его же газетой. – Учения, Георгий, сплошные учения… Кстати, «Корветы» вполне способны доставить атомный заряд в любую точку земного шара. Теоретически. А сесть могут только на Цейлоне… Или у тебя… Пойду к подчинённым. Наставлять и «Крабы» закреплять. По-

смотреть посадку пригласишь?

– Конечно! Без вопросов.

– Тогда до свидания.

– Зайди по дороге в вычислительный центр, они там у меня ушами хлопают! С мостика до них никто дозвониться не может!

Из-за двери с надписью «Информационно-вычислительный центр» раздавались молодые голоса, эмоционально доказывающие что-то друг другу. Невольно я замедлил шаг, прислушался и приоткрыл дверь.

– Ты пойми, они в принципе правы, – долетело до меня из-за гула больших вычислителей, причём молодой голос явно горячился, – Пётр Великий использовал Мадагаскарский проект только для того, чтобы сплавить Меншикова подальше от Петербурга и своей жены. По-видимому, он догадывался об отношениях между Меншиковым и Екатериной Алексеевной. А теперь подумай: если бы во время кончины Петра Меншиков оказался бы в Петербурге, а не на острове? Как самый влиятельный вельможа, он решал бы, кто унаследует престол. Мог бы и Екатерину на трон посадить. С непредсказуемыми для державы последствиями.

– История детерминирована, уверяю тебя, – возражал второй. – Признай, что в данном случае господа альт-историки блуждают в трёх соснах. И мадагаскарская экспедиция тут ни при чём. Даже если бы Меншиков был в столице, всё равно венчали бы на царство юного Петра Алексеевича. Екате-

рина никаких прав на престол не имела, так как же её могли венчать? Ты представь – у нас в России – и женское правление! Одной царевны Софьи нам достало, благодарим покорно!

Тут я не выдержал и объявил своё присутствие. Колесников хотел войти вслед за мной, но я остановил его жестом «стой, смотри по сторонам». В комнате, заставленной по периметру большими яблочковскими вычислителями, посередине стоял стол для совещаний. На столе стояло несколько персональных *интеллектуальников*, в англосаксонских странах называемых *компьютерами*. За столом расположились, вольготно развалясь в мягких конторских креслах, два молодых человека в форме мичманов. Форма шла им, как корове седло. Сразу видно *разночинцев*. Говоривший, увидев меня, вскочил и вытянулся по стойке «смирно», при этом отодвинутое конторское кресло, совершив поступательно-возвратное движение, ударило его сзади под колени. Второй попытался одновременно вытянуться в струнку и выключить мерно жужжащий интеллектуальник, что тоже выглядело комично.

– Простите, что я прерываю ваш tete-a-tete, господа мичмАны, но если вы не знаете, на корабле объявлен аврал. Разумеется, вы не знаете, – я пересёк помещение центра и снял с телефонного аппарата раскрытый книжный том. Сразу раздался звук вызова. В моих руках была книга модного литератора Александра Бушкова «Фаворит двух императоров»,

и открыта она была на главе «Первая Мадагаскарская экспедиция». Отложив книгу, я снял трубку.

– Да, Георгий… Генерал Ананьев, кто же ещё… Нет, сам проинструктирую… – и со скучающим видом обернулся к разночинцам.

Как офицеров я их уже не воспринимал. Конечно, сейчас они обалдели от вторжения генерала (правда, без свиты) и что я в разговоре назвал великого князя просто по имени. Тем не менее я понимал, что общедисциплинарные меры воздействия здесь не подходят. И даже будут иметь обратные последствия. Накричи я на них и отправь под арест – они тут же найдут для себя моральные оправдания. Значит, нужно поставить их на место, показав интеллектуальное превосходство. Новое словечко, постепенно вытесняющее понятие «умственный». Не нравится мне это. Чем плох был русский разночинец? Но надо же – теперь интеллигент! Разночинец – не просто ближе и родней. Он государственный человек, «при чине». А интеллигент – он получается как-то сам по себе, отдельно от государства. Как будто вольтерьянства не хватает, изобретённого доблестным союзником, либеральной империей Бонапартов. Человек должен быть при деле! А не сам по себе – вот мой сказ.

– Через час и пятьдесят минут на «Святогор» ожидается прибытие космолёта, – сказал я с холодной вежливостью. – А чем тут занимается вычислительный центр? – и, резко изменив тон, гаркнул: – Фамилии! Должности!

– Мичман Иванов, логистик второго класса!

– Мичман Петров, логистик третьего класса!

– А начальник Информационно-вычислительного центра у вас лейтенант Сидоров?.. (новое изменение тона.) Шучу, шучу… И всё же: чем занимаетесь, молодые люди?

– Отлаживаем логическое обеспечение вычислителей! – бойко доложился Иванов.

– А мне показалось, что о чём-то увлечённо спорите, – я снова взял в руки том Бушкова, – об Александре Даниловиче Меншикове, соратнике двух Петров и покорителе Мадагаскара. Даже мне из коридора было слышно.

После этого я направился к *интеллектуальнику*. Петров пискнул, но ничего не посмел возразить. Запитать машину электричеством было делом одной минуты.

На каждом военном вычислителе в числе прочего логического обеспечения стоит алгоритм сбора данных о всех действиях оператора машины. Вот он, голубчик. Что? Это уже серьёзно! Они лазили в «Узоры» – глобальную вычислительную сеть Российской империи. С корабля, находящегося в военном походе. С-с-стервецы! Так, посмотрим, где они ошивались, на каких узлах «Узора», и стоит ли их за это расстрелять на месте, отдать под суд или ограничиться «губой»… Передо мной всплыло «окно» последнего посещения. С удивлением я прочитал: «АЛЬТЕРНАТИВА. При всём богатстве выбора альтернатива есть – узел альтернативной истории и футуреализма».

– Ну и что это означает? – повернулся я к логистикам. – Посадить бы вас на «губу», но вы меня заинтриговали. Так что отвечайте спокойно, «губы» не будет.

– В русском «Узоре» недавно был создан узел альтернативной истории. Это история, которой не было, но которая могла быть, – начал Иванов. – Ну, например, если бы Александр Македонский не умер в Вавилоне, а прожил бы ещё лет десять… Или, скажем, Дмитрий Иоаннович благополучно пережил покушение в Угличе…

– Или император Наполеон Первый не потерпел бы поражение в Испании под Сарагосой, – в тон Иванову продолжил я, невольно увлекаясь этой умственной игрой. В душе я уже решил не наказывать разночинцев строго.

– Вы точно ухватили суть их подхода, ваше превосходительство. *(Вот, вспомнили, наконец, уставное обращение, шпаки в форме!)* Они ищут по всей истории такие точки бифуркации…

– Точки… Чего?

– Извините, ваше превосходительство, это развилки развития по Илье Пригожину, это теория шестидесятых годов прошлого века. *(Как несмышлёнышу объясняет… На гауптвахту заколочу пожизненно, умники!)* Так они находят эти точки бифуркации и подвергают критике… Когда вы вошли, мы как раз обсуждали последнюю их тему: что было бы, если бы Мадагаскарский проект Петра Великого провалился.

– Что, история пошла бы другим ходом?

– Так точно, ваше превосходительство! *(Нет, обойдёмся отеческим внушением, без гауптвахты.)* Во внешней сфере нам бы навсегда оказался закрыт путь на Цейлон и в Индию, не было бы побудительного мотива к российско-французскому сближению в начале XIX века, и вообще получается, что в Индии вполне спокойно могла бы утвердиться Британия. Во внутренней – Меншиков, случись он при дворе во время кончины Петра Великого, употребил бы всю энергию и выдающиеся организаторские способности, чтобы не допустить возведения на престол молодого Петра Алексеевича…

– Так, дальше я в курсе, подслушивал… На мой взгляд, геополитические выкладки правильны: если мы теряем Мадагаскар, теряем всё… Но что касается рокировки на престоле… Конечно, Алексашка Меншиков был человек железной воли и огромной энергии. Вся его мадагаскарская экспедиция – это одна большая авантюра.

Точно авантюра, подумалось мне тогда: восприняв назначение начальником экспедиции как скрытую опалу, Меншиков решил разбиться в лепёшку, но заслужить прощение Петра Великого. Выход был один – бить челом государю островом Мадагаскар. Меншиков разбил в Атлантике оба корабля, утопил половину команды, но нанял на собственные средства судно голландской Ост-Индской компании и добрался-таки до острова, вцепился в него.

– И он мог решиться возвести на престол свою ставлен-

ницу, – продолжил я. – Но кто бы наследовал престол после Екатерины Алексеевны? Старшая дочь Анна? Но она замужем в Брауншвейге… Или Елизавета? Ладно, будем последовательны. Виват, Елизавета Петровна! А после неё? Её, извините, скидух?

– Ваше превосходительство! – Мичман Петров зарделся, как мак. – Смею напомнить вам, что разговор идёт об особе Правящего Дома, дочери и тётке двух императоров. К тому же существует предположение, что истинным отцом её ребёнка…

– Поговори мне, умник! – зло оборвал я его *(старый дурак, выругал сам себя – час назад дёргался по поводу возможных жандармских «клопов» в стене, а сейчас сам чуть было не спровоцировал мальчишку, ведь даже сейчас не стоит распространяться о возможном происхождении графов Бобринских от кровосмесительной связи)*. – Некоторые темы лучше не обсуждать… Так, о чём мы… Всё равно мы снова и снова возвращаемся к Петру-внуку. Разумеется, он вступает на престол позже, при этом завоевание Причерноморья и Таврии для России откладывается, но и только. Пётр женится, появится Алексей, и история сгладит вашу несообразность.

– Как один из вариантов развития событий на узле рассматривали приглашение на русский престол Анны Ивановны, племянницы Петра Великого, герцогини Курляндской. В подобном случае Петра Второго просто не допустили бы до престола…

Моя диафрагма резко поехала вверх, я хрюкнул раз, другой, третий, затем перестал сдерживаться и расхохотался. Это просто невозможно обсуждать! Вместо эпохи Деятельных Государей, как называют у нас XVIII век, – век женского правления! Вместо Петра Алексеевича внука, Алексея Петровича Второго, Петра Алексеевича Третьего, Павла Петровича, настоящих мужиков, среди которых были и идеалисты-мечтатели, и цепкие прагматики, – но всегда умных и решительных, раздвинувших пределы державы на Юг и Восток, – развратные и глупые бабы. Совершенно нелегитимные, а значит, полностью зависимые от вельмож и гвардии. Новых стрелецких бунтов нам не хватало: эпоха заговоров, раздоров, козней. Новая смутная эпоха, в которой хороводят новые великие бояре.

– Ну, уморили! Фантазёры! – сказал я, отсмеявшись. – Ох, эта наша разночинная молодёжь… Проступок ваш, так и быть, оставляю без последствий. Но займитесь делом. Великий князь повелеть соизволил вам проверить работу вычислителей, отвечающих за навигацию. Если произойдёт хоть один сбой – гарантирую вам, поедете считать белых медведей на Аляску. На интеллектуальнике.

Повернулся и вышел, и выбросил молодых людей с их бредовыми идеями из головы. Накатили новые заботы…

Снова кубрик «Морских коньков». Построение. Напряжённые лица.

– Господа спецназ! Нам выпал счастливый случай по-

участвовать, правда, косвенно, в отечественной Космической программе. Его Императорское Величество Государь Император оказал нашему кораблю великую честь! Сейчас на корабль опустится из космоса «Корвет-7». Его срочно снимают с орбиты. «Корветы» уже садились на «Святогор». Это не сложнее, чем посадить тяжёлый бомбардировщик. Но бомбардировщиков у нас много, а «Корветов» всего одиннадцать штук. Поэтому на корабле аврал. Слушайте боевую задачу: всем занять места по боевому расписанию, которое вы должны были выучить к этому времени и которое я завтра собирался репетировать. Учения будут приближены к боевым. Поскольку своих мест вы в глаза не видели, отлучаться запрещаю. Следить за офицерами и членами экипажа во все глаза. В случае форс-мажора… Хотя, дай бог, обойдётся. И если узнаю, что кто-то покинул свой пост и полез на палубу смотреть историческое событие – вышибу из «Коньков» к чёртовой матери! Посмотрите в даггерохронике. Семь механиков – за мной, к «Крабам» Проверить крепления и поставить дополнительные… Есть вопросы? Выполнять!

Посмотрев пару секунд, как спецназовцы проверяют крепление шкафов, крепление коек, нашего оружейного ящика, я выскочил в коридор.

«Крабы» находились в ангаре правого корпуса катамарана, имевшего выход под воду. Трюм был загерметизирован от остальной части корабля и обзавёлся подводными дверями года четыре назад, уже после «Тройного инцидента», спе-

циально для наших нужд. Империя привыкла надёжно хранить свои тайны. Сейчас створ огромных ворот был задраен, и в трюме относительно сухо. Механики сноровисто проверили крепления всех семи машин и обернулись ко мне:

– Дополнительные стяжки, ваше превосходительство?

– Без фанатизма, господа старшины, – ответил я, – вдруг срочно отцеплять придётся.

– Не дай бог, ваше превосходительство, – серьёзно сказал механик постарше.

Я демонстративно трижды плюнул через левое плечо и напоследок осмотрел трюм. Подлодки действительно внешне похожи на крабов. Экипаж «Краба» составляет пять человек: механик-водитель в герметичном отсеке и две боевые двойки «морских коньков» в затопляемых отсеках по бокам. Могут выходить как в воду, так и в атмосферу. «Краб» свободно передвигается и маневрирует под водой, на мелководье, но может выходить и на берег. Правда, неуклюже, что делает его прекрасной мишенью. Обязательно отмечу это в своём докладе. Конечно, конструкторам хочется создать универсальную машину, но ведь не в ущерб же функциональности. Впрочем, если что, на атоллах Тихого океана нам с этими машинами не будет равных. Если английские или американские конструкторы не разрабатывают аналогичную машину…

Внезапно у двери раздался звонок. Ожил аппарат внутренней связи. Я подошёл, снял телефонную трубку:

– Генерал Ананьев слушает.

– «Како Люди Живете?» – в трубке голос великого князя. Запрашивает меня обстановку старым военно-морским кодом, принятым ещё при Петре Великом.

– «Наш Хер Тверд»! – бойко ответил я.

– Тогда проверь со своими людьми склад крылатых ракет. Он находится через два помещения от вас.

– Мои люди механики, а не оружейники, ваше высочество.

– Установите дополнительные крепления, для этого не нужна квалификация. Ракеты в разобранном состоянии, в ящиках, а твои люди имеют допуск. Кстати, твой личный пломбир с тобой?

– Так точно.

– Тогда всё в порядке! Смело снимай пломбу, поставите свою. Снятую пломбу представишь мне… Господи! Ну что за дурдом на колёсах, Артём!

– Крепитесь, ваше высочество, – закончил я и положил трубку.

Повернулся к своим людям:

– Получено новое задание от командования! Спецназ, за мной!

Это была фигура речи. На самом деле я вышел последним, закрутил кремальеры, опечатал дверь пломбой. И только после этого повёл подчинённых в один из арсеналов корабля… и наткнулся на часового, вскинувшего при нашем появлении

короткоствольную штурмовую винтовку Калашникова седьмой модели:

– Стоять! Пароль!

Дурдом на колёсах, это точно. Разумеется, его никто не предупредил, и он был в своём праве.

– Спокойно, матрос! На корабле аврал, нас послали проверить состояние арсенала, но забыли предупредить, что здесь выставлен пост. Сейчас мы выйдем и вернёмся только с твоим разводящим или начальником караула.

Мы плавно развернулись и один за другим вышли вон. Материться в форс-мажоре считается ниже достоинства российского спецназа. И подчинённые оказались на высоте, в отличие от начальника. Начальник же выдал в телефон внутренней связи длинную тираду, в которой ёмко характеризовалась обстановка на корабле вообще, в трюме в частности, давалась оценка интеллектуальным (тьфу, умственным) способностям руководителей среднего звена и предлагался оригинальный способ использования крылатых ракет, если через пять минут в трюм не спустится начальник караула. Начальник караула объявился через десять минут.

Ракеты действительно были в заводской упаковке – длинных ящиках зелёного цвета, маркированных надписью «Императорские Олонецкие оружейные мануфактуры». Они были надёжно принайтовлены к полкам. С места их можно было сорвать только вместе с частью переборки. И всё-таки мы их прикрепили дополнительными стяжками.

В глазах подчинённых читалась надежда, что уж над ними господин генерал смилуется и разрешит вживую увидеть такое редкое зрелище, как посадка космолёта на авианосец. Но я был неумолим. В случае аварии ни я, ни они ничем помочь не сможем, а вот запутаться в ногах у профессионалов – вполне. Сам же поднялся на «башню». Если время от времени не злоупотреблять служебным положением, то на кой оно тогда нужно!

Как и предупредил меня великий князь, на мостике был дурдом на колёсиках. По сравнению с нормальной корабельной суетой. Хотя технически посадить космолёт на палубу авианосца гораздо проще, чем выстроить над этой палубой самолёты в несколько эшелонов, но космолёт просто не может сделать второй заход на посадку. Ответственность пригибала людей к палубе (ну не к земле же!), жгла нервы…

Чтобы не путаться под ногами у занятых делом людей, я отыскал угол, из которого была видна полётная палуба и в котором никто не пытался оттоптать мне ноги.

Авианосец уже развил полный ход и выдерживал курс с точностью до минуты. Ветер под острым углом к носу корабля, но развернуться по ветру не было никакой возможности: космолёт заходил на посадку тоже по выверенному и рассчитанному курсу. Оставалось надеяться, что «Корвет» окажется слишком массивным для ветра.

Внезапно один каптри, спокойно сидевший до этого за небольшим пультом недалеко у моего закутка *(бьюсь об за-*

клад, именно от этих нескольких неподвижных фигур на мостике всё и зависело!), подпрыгнул и что-то забормотал себе под нос. Я подошёл, заглянул из-за спины.

– Старая испанская калоша «Валенсия», – шипел каптри, следя за отметкой на экране радара. – Что ты делаешь здесь, старая лайба? Ищет, что не теряла, найдёт то, что не искала…

– Что случилось?

– Испанский разведчик, бывший номерной эсминец, теперь «гидрографическое» судно «Валенсия», приспособленное для радиоразведки. Вышел из вице-королевства Чили в начале наших манёвров, и вот добрались, наконец. К самому интересному, чёрт их дери.

– На эсминце? Через два океана?

– Не смешите. Конечно, они прошли через мыс Горн и мыс Доброй Надежды. Надеялись застать нас у Мадагаскара, и застали…

– А имя корабля вы узнали по засветке на экране?

– Да. Радиоразведчики всегда дают по экрану особую засветку. А о том, что в море вышла именно «Валенсия», стало известно почти месяц назад… Так, сейчас наши корабли сопровождения начнут их оттирать и забьют радиопомехами…

Я отвернулся, и как раз в это время над кормой «Святогора» в небе зажглась звезда. «Корвет» вошёл в плотные слои атмосферы. Напряжение на мостике достигло кульминации…

Космолёт был прекрасен, как прекрасны все летающие аппараты. Он снижался плавно и неторопливо, с чувством собственного достоинства. Эта плавность и неторопливость завораживали нас… и обманывали. На самом деле «Корвет» приземлялся с большой скоростью, и на секунду у наводящих операторов возникла мысль, что скорость катамарана недостаточна и палубы не хватит для приземления. Ведь космолёт нельзя поймать на посадочный трос, как простой самолёт. Великий князь прорычал что-то неразборчивое в трубку внутреннего телефона, хотя к тому времени машины корабля выжимали из себя всё, что возможно. Теперь они пытались выдавить то, что невозможно.

«Корвет» всё с той же плавностью и неторопливостью приподнял нос, на миг развернувшись к зрителям треугольным днищем. Гасил остаточную скорость. В следующую секунду провалился на несколько метров вниз, выпустил шасси, коснулся палубы… и вдруг оказалось, что он несётся вперёд с бешеной скоростью. Сердце у меня ёкнуло, рядом звучно сглотнул один из флотских офицеров. Казалось, что сейчас машина стоимостью в десять миллионов золотых рублей пробежит палубу до конца и упадёт в море. В это время экипаж включил реверс двигателей, и космолёт стал замедляться всё больше и больше, и наконец остановился в пяти метрах от конца палубы. Его тут же со всех сторон стали «пеленать» техники, одетые в асбестовые костюмы. Когда космолёт окончательно остынет и экипаж покинет кабину, его от-

буксируют ближе к середине и укрепят рядом с «башней». Там он и пробудет всю дорогу до Цейлона.

На мостике все облегчённо вздохнули. Мы смеялись, хлопали друг друга по плечу, пожимали руки.

– Господа! А вы заметили – корабль даже не покачнулся!

– Если бы на нас попытались посадить старый «Буран», он нас раздавил бы! А «Корветы», они небольшие…

– Господа офицеры! – услышав великого князя, все как по команде вытянулись. – Поздравляю вас с выполнением высочайшего приказа! Это было непростое задание.

– Служим Его Императорскому Величеству! – ответили все в два десятка лужёных офицерских глоток.

– Государю Императору Николаю Алексеевичу многая лета! – провозгласил Георгий.

– Ура! Ура!! Ура!!! – разнеслось над океаном.

– Надо послать за корабельным священником, отслужить благодарственный молебен, – вспомнил старший офицер корабля.

Его поддержали со всех сторон.

– Накрылся мой отдых, господа офицеры, – притворно вздохнул я. – Теперь, когда полётов не будет до самого Цейлона, мне предстоит гонять своих «коньков» по палубе с утра и до вечера… Когда ещё удастся попрактиковать спецназ на штурм космолёта…

Громкий хохот был мне ответом.

Сергей Удалин
Уже подписан ордер

Представь себе… кого бы?
Ну, хоть меня – немного помоложе;
Влюблённого – не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом – хоть с тобой,
Я весел… Вдруг: виденье гробовое,
Внезапный мрак иль что-нибудь такое…
Ну, слушай же…

Александр Пушкин. Моцарт и Сальери

Октябрь 1929 г.

По Денежному переулку со стороны Арбата бежит черноволосый молодой человек в распахнутом пальто. Шляпу он то ли потерял, то ли вовсе не надевал. Дорогие твидовые брюки почти до колен забрызганы грязью, но бегущий этого не замечает. Чёрные лаковые штиблеты разбрасывают во все стороны воду из глубоких осенних луж.

Пот заливает ему глаза. Он по-рыбьи хватает ртом воздух, так что видны металлические коронки передних зубов. Ноет раненая нога, словно почуяв приближение к тому месту, где он впервые узнал, что такое настоящая боль.

Одиннадцать лет назад он точно так же бежал по этому переулку. Наверное, даже быстрее, потому что был молод и здоров. А ещё потому, что хотел предотвратить убийство, которое повлечёт за собой множество других смертей.

Сейчас от быстроты зависит его собственная жизнь, и бегун – или уже можно сказать беглец? – не сбавляет скорости. Только бы добраться до дома, подняться на пятый этаж, зайти в квартиру и убедиться, что злополучной книги там всё-таки нет, что Радек просто ошибся, перепутал.

Или пошутил? Он ведь такой весельчак, вся Москва смеётся над его каламбурами и анекдотами. Но нет, некоторыми вещами – а также именами – не шутят. Да и книга на самом деле была, хотя и пропала куда-то ещё в константинопольском порту. А самое главное, Карл утверждает, будто бы Яков – так зовут беглеца – сам ему эту книгу показывал.

И вот тут начинается самое страшное. Тот кошмар, что преследует Якова уже одиннадцать лет, даже чуть больше, заставляя порой сомневаться в собственной вменяемости, вынуждая верить во всякую чертовщину. На самом деле Яков никому не показывал книгу. Он готов поклясться чем угодно, что и сам её с тех пор не видел. Как не делал и ещё многое из того, что ему приписывают.

Но что будет стоить его убеждённость против показаний свидетелей? Особенно на Лубянке. Уж Якову-то, одному из старейших сотрудников ВЧК, прекрасно известно, как быстро там у людей меняются убеждения. И сам трюк с тайным

посланием от врагов революции, якобы найденным в безобидной с виду книжке, тоже хорошо знаком. Но даже сожги сейчас Яков тот опасный подарок или не отыщи его вовсе, это уже ничего не изменит. Радек наверняка уже сообщил куда следует, Ягода или Трилиссер уже подписывают ордер.

От этой мысли ноги делаются ватными. Яков останавливается возле самого подъезда. С кончика мясистого иудейского носа падают тяжёлые капли пота, широкая грудь пытается ухватить лишнюю порцию воздуха, в висках настойчиво бьётся рефреном: уже, уже, уже. И только память ещё не сдаётся, пытается выцепить из прошлого какую-нибудь подсказку. Что-то такое, чего раньше не заметил, не понял, не придал значения.

Июнь 1929 г.

Тот же самый человек неторопливо идёт по константинопольской набережной Серкеджи. На нём такой же дорогой костюм. Голова мужчины так же непокрыта, но узнаешь его далеко не сразу – мешает ухоженная чёрная борода. Вокруг мельтешат уличные торговцы, посредники, сводники и просто попрошайки. Но торговец антиквариатом Якуб Султан-заде – именно так написано в его паспорте – не собирается ничего покупать.

Через сорок минут пароход отчалит от пристани, багаж давно перенесён в каюту, осталось только проститься с этим

ярким, шумным, но удивительно спокойным городом. Ещё раз напоследок насладиться ощущением свободы, собственной неприметности, неузнанности.

Там, куда он уплывает, его – под другим именем – знали все. О нём писали в газетах и даже слагали стихи:

> Человек, среди толпы народа
> Застреливший императорского посла…

Тяжеловесные строки, больше подходящие для эпитафии. И кому какое дело, что в действительности всё было совсем не так. Люди верят написанному, но ещё больше – придуманному ими самими.

Намётанный глаз Якуба улавливает в толпе нечто такое, отчего ощущение свободы сразу пропадает. Возле трапа терпеливо переминается с ноги на ногу пожилой человек с ярко выраженной славянской, буржуазно-профессорской внешностью: пенсне на носу, бородка клинышком, летний костюм в полоску, тросточка и шляпа-канотье. Всё это – включая лицо незнакомца – далеко не первой свежести. Типический эмигрант, у которого не хватило средств добраться до Парижа. И какого чёрта ему здесь понадобилось?

Десну под вставными передними зубами начинает дёргать – верный признак надвигающихся неприятностей. Яков поспешно отворачивается, надеясь проскочить к недалёкому уже трапу. Но тут же слышит звонкий, хоть и несколько дре-

безжащий возглас на русском языке:

– Доброе утро, Яков Григорьевич! Позвольте вас отвлечь на пару минут?

Отвлекаться молодому человеку совсем не хочется, уже потому лишь, что его сейчас зовут не Яковом Григорьевичем. Но гораздо неприятней другое – хотя внешность у настырного господина весьма характерная, Яков видит его впервые в жизни. И обстоятельства не располагают к новым знакомствам. Лучше сделать вид, будто это кричат совсем не ему, на незнакомом языке. Но проклятый старик не унимается:

– Яков Григорьевич, голубчик, куда же вы? У меня к вам важный разговор!

Притворяться дальше бессмысленно. Яков и так чувствует, как вокруг него образуется пустота, быстро заполняемая косыми любопытствующими взглядами. Кажется, даже минареты Голубой мечети и Айя-Софии вытянули шеи, чтобы получше рассмотреть странную парочку – молодого азербайджанского купца и пожилого русского профессора, что встретились случайно в константинопольском порту. Вот только случайно ли?

Яков разворачивается и раздражённо отвечает, подстраиваясь под старорежимные манеры незваного собеседника:

– Что вам угодно, сударь? Не имею чести вас знать.

Старика отбрасывает в сторону, он густо краснеет, словно только что прилюдно получил пощёчину.

– Помилуйте, Яков Григорьевич, мы же недавно познакомились у Льва Давидовича.

Слова повисают в воздухе. Ещё мгновение, и они вспыхнут огненными буквами, подобно пророчеству на пиру Валтасара. Теперь наступает черёд Якова отшатнуться. С той лишь разницей, что молодой человек, наоборот, бледнеет. Речь, разумеется, может идти только об одном Льве Давидовиче, но его Яков не видел больше года. А это значит…

Провокация? Но чья, с какой целью? А вдруг это вернулось оно? Загадочное, необъяснимое, чему он так и не придумал названия, хотя сталкивался многократно. То, что мучило его долгие годы, но в последнее время за важными делами слегка подзабылось.

Началось всё ещё в перевернувшем вверх дном всю Россию семнадцатом.

Беспокойная память мгновенно отправляет Якова туда, куда он всегда стремился вернуться – в город солнца, моря и каштанов, в пору бесшабашной юности и дерзких мечтаний.

Ноябрь 1917 г.

Вот они – каштаны, только их пожелтевшие пальчатые листья давно облетели, и аромат жареных плодов унесло ветром. А вот солнцем и морем даже не пахнет. Пахнет свежезамороженной рыбой, скользкой и противной, как этот уны-

ло моросящий дождь. Что поделаешь, осень случается даже в Одессе.

Возле дома Навроцкого, что на Ланжероновской улице, напротив Оперного театра, стоит коренастый еврейский юноша в потёртом лапсердаке и с непокрытой головой. По этой привычке ходить без головного убора проще всего признать в нём Якова. Волосы промокли, струйки холодной воды медленно стекают за шиворот, но пухлые губы невольно растягиваются в улыбку. Он только что вышел из редакции газеты «Одесский листок» с гордостью в сердце и первым гонораром в кармане – два рубля восемь копеек.

Но деньги – ерунда. Куда важнее признание его таланта, исключительности. Ещё третьего дня Лёвка Швехвель потешался над ним:

– Яша, дорогой! – говорил этот босяк. – Сделай мине приятно, прогуляйся по Ришельевской до кофейни Онипко. Кажется, у ней до сих пор не разбита витрина. Встань против неё, полюбуйся на своё отражение, а потом вернись и скажи откровенно: где ты там увидел поэта? Тебе не нравится работать у братьев Аврич, да боже ж мой, пойди и поработай у братьев Шаповаловых. Тоже почтенное занятие. А стишки сочинять – я тебя умоляю.

Одно время Яков и вправду работал на фабрике братьев Аврич, а про налётчиков братьев Шаповаловых по городу ходило не меньше слухов, чем про самого Мишку Япончика. Попасть в одну из банд мечтала чуть ли не половина парней

с Молдаванки, две трети Слободки и вся Пересыпь. Потому как ни на что другое, кроме выпить водки и помахать кулаками, они в этой жизни не способны. А у Якова – поэтический дар. И это сказала не тётя Лея со Столбовой улицы, а редактор солидной газеты.

Ничего-то этот Лёвка не понимает! Яков не собирается соперничать ни с притчами царя Соломона, ни с псалмами царя Давида. Сейчас другое время, и нужны другие песни. Налётчиками нынче никого не удивишь. А вот стать певцом революции – первым и, значит, лучшим – это звучит гордо.

Размеренный цокот лошадиных копыт по мостовой неожиданно прерывается, и прямо перед Яковом останавливается пролётка. Четверо мужчин, наружностью напоминающих тех, о ком юный поэт только что думал, смотрят на него с откровенным неодобрением.

Яков отступает на шаг, оглядывается и понимает, что бежать некуда. Улица внезапно опустела, ворота соседних дворов закрыты.

– Яшка, дрек мит фефер! – кричит налётчик в кожаной куртке, из-за обшлага которой выглядывает рукоять маузера. – Мы полгорода проехали, все шалманы обошли, а он театр собрался смотреть. Садись скорей, Япончик ждать не любит.

Справившись с испугом, Яков вспоминает, как Лёвка однажды на Привозе показал на этого человека и назвал его Меером Зайдером из банды Япончика. А потом начал хва-

статься, что знаком со многими налётчиками. Яков тогда решил, что Лёвка по обыкновению привирает.

Выходит, что зря. Не только знаком, а ещё и замолвил словечко за товарища. Иначе с чего бы вдруг Меер его позвал? И куда позвал-то?

– Я… я сейчас, – бормочет Яков и запрыгивает в пролётку.

– Очухался, – уже беззлобно ворчит Меер и вдруг снова хмурится. – А ствол твой где? У девочек позабыл?

Его спутники дружно гогочут. Яков смущённо молчит, как будто он и вправду обязан ходить по городу с оружием и ждать, когда его позовут на дело.

– Ладно, держи! – Меер протягивает ему тяжёлый наган, а потом небрежно сплёвывает на тротуар. – Но шоб это у меня в последний раз.

Яков благодарно кивает. А пролётка уже мчит его к родной Молдаванке. Но молодой человек не смотрит по сторонам, занятый новым волнующим ощущением зажатого в руке боевого оружия. Не замечает, как в хвост пролётки пристраивается ещё одна, а за ней – запряжённая парой чубарых кляч телега.

Караван останавливается на Дальницкой улице возле длинного бревенчатого сарая, в котором нетрудно распознать склад. Одетый в чёрное пальто коренастый брюнет с жёсткими усиками и бульдожьим лицом командует налётчиками. Через мгновение все разбегаются в разные стороны,

только Меер на ходу легонько подталкивает Якова в спину:

– Постоишь сегодня на шухере, шоб больше не опаздывал.

И молодой человек остаётся один на притихшей улице. Если бы не стук собственного сердца, Яков решил бы, что оглох.

Проходят томительные, полные бездумного, но тревожного ожидания минуты, и вдруг вдалеке раздаются чьи-то шаги. Из-за поворота показывается тёмная фигура в длиннополой одежде, останавливается и поднимает руку. Не иначе, как с пистолетом.

Яков неуклюже тянется рукой за пазуху, нащупывает холодную рукоять нагана и направляет ствол на прохожего. Тот, подобрав полы, даёт стрекача вдоль забора за угол. Яков с запозданием давит на изогнутый зуб спускового крючка.

Тишина разлетается на обломки разнообразных звуков. В ушах, пропадая и возвращаясь, звенит эхо выстрела. Вдоль по Дальницкой и окрестным улицам проносится волна заливистого собачьего лая. За спиной скрипит дверь. Из сарая выбегают налётчики. Последним вразвалочку выходит усатый, и Яков догадывается, что это и есть Япончик.

– Шо случилось, Яша? – озираясь, спрашивает Меер.

Яков пытается объяснить, что он просто растерялся с непривычки.

– Там человек стоял… А в руке у него…

– Яша, сделай уже шо-нибудь своим нервам. В прошлый раз ты тоже шмальнул, когда не просили, но хотя бы попал.

Яков так растерян, что не слышит хохота налётчиков. Ведь не было же никакого прошлого раза! Кто сошёл с ума – он один или все эти люди?

– Хватит ржать, жеребцы! – негромко, но жёстко объявляет Япончик. – Дайте наконец выспаться трудовому народу. Быстро грузим добро и уходим. А потом к девочкам на Запорожскую.

Вдруг его усики начинают подтягиваться к щекам, а бульдожье лицо кривится в ухмылке.

– Ты с нами, Яша? – спрашивает он, но не выдерживает и хрюкает, задыхаясь от смеха: – Или уже отстрелялся?

Хохот возобновляется с удвоенной силой. Якову уже не хочется ни к каким девочкам. Но и отказаться, не вызвав новых насмешек, тоже нельзя. Он отправляется вместе со всеми в бордель, а там…

Там его ждёт встреча с Глашей. С её доброй, почти материнской улыбкой, молочно-белой кожей и выдающимися формами, что начинают волноваться, словно море, при малейшем движении. Глядя на них, так легко забыть обо всех тайнах на свете…

Июнь 1929 г.

Сколько их потом ещё будет – городов, пистолетов, женщин. Ко всему можно привыкнуть, кроме этого загадочного и необъяснимого. Его можно только забыть. Но чем стара-

тельнее забываешь, тем больнее оказывается напоминание.

– …Он так тоскует здесь – по родным, друзьям. По Родине. – Старик, разволновавшись, мелко трясёт бородкой. – И тут вдруг вы. Это же подарок судьбы! Он целый день ходил под впечатлением. И очень сожалел, что не может вас проводить. Это был бы крайне рискованный шаг, и для него, и для вас. Сами понимаете, всё, что связано с именем Льва Давидовича, вызывает повышенный интерес со стороны…

Яков прерывает словоохотливого собеседника:

– Если его имя опасно произносить, какого же лешего вы кричите на всю набережную? – Пожалуй, он и сам говорит слишком громко. – Я прекрасно вас слышу, но не совсем понимаю, при чём здесь я? Повторяю ещё раз – не имею чести знать. Ни вас, ни вашего Льва Даниловича.

Профессор машинально поправляет: «Давидовича», но тут же догадывается, что ему морочат голову.

– Может, ещё скажете, что вы и в фон Мирбаха не стреляли?

Вопрос застаёт Якова врасплох. Ему хочется крикнуть, что это неправда. Но как можно что-то объяснить со сведёнными в судороге скулами и гудящей пустотой в голове?

Яков всё-таки умудряется расцепить зубы и выдохнуть, но перед глазами уже плывут круги, очертания набережной растекаются, а в ушах мучительным эхом отдаётся перезвон колоколов Донского монастыря возле Шаболовки: стрел-лял… стрел-лял… стрел-лял…

Июль 1918 г.

Отгремели за окном последние выстрелы короткого и безнадёжного левоэсеровского мятежа. Теперь в палату, откуда никакими сквозняками не выветрить тоскливый запах йодоформа, с улицы доносится задорный перезвон колоколов. Но Якову в нём слышится насмешка, терзающая куда сильнее, чем боль в простреленной ноге.

Он убеждает себя, что ранен именно в ногу, хотя у соседей по палате другое мнение. Но Яков не отвечает на незлобивые подначки. Он лежит на животе – потому что иначе никак – лежит молча, отвернув лицо к стене, и напряжённо ищет ответы. Оборачивается лишь тогда, когда в палату входит Варя. Яков сразу отличил её среди прочих сестёр милосердия. Хотя, казалось бы, и не за что. Высокая, нескладная, немного сутулая. Серое платье висит словно на вешалке. На здешнем пайке телеса не нагуляешь. Волосы коротко острижены, так что из-под платка и не разглядишь. Зато тёмные круги под глазами хорошо заметны. Но это только когда она в сторону смотрит. А когда на него, то Яков уже ничего, кроме самих глаз, не замечает. Ах, какие глаза! Угли, а не глаза. Чёрные, но горячие. Так вот посмотрит, и пойдёшь за ней хоть на край света.

Только далеко не уйдёшь. Даже если бы не болела нога. Внизу, в приёмном покое, и на обеих лестницах стоит кара-

ул. По улицам шастают туда-сюда патрули. Большевики ещё не успокоились, продолжают ловить мятежников. Так что лучше бы ей не смотреть. Лучше бы Якову не оборачиваться, а лежать себе спокойно и страдать от ран, как и положено сознательному революционному бойцу, стремящемуся как можно скорее вернуться в строй. Но он всё равно оборачивается, а она смотрит. И ненадолго становится легче. До тех пор, пока не стихнет перезвон и не побежит снова от палаты к палате встревоженный шёпот: «Всё ихнее цэка арестовали. Ага, и Спиридонову тоже – всех. Теперь ищут того, кто в германца стрелял. Как там его? Любкин? Лямкин?»

Яков не поправляет. Велика ли разница, как его назвали? Вот если бы можно было исправить главное!

Он действительно должен был убить Мирбаха. Сам разработал план акции, сам вызвался её выполнить. Так приятно было чувствовать себя героем революции, на равных общаться с самой Марией Спиридоновой – живой легендой партии левых эсеров. Но однажды время пламенных речей заканчивается, и приходит осознание того, что завтра ты действительно станешь легендой. Только вряд ли живой. И поневоле задумываешься: а почему именно ты?

Прежде Яков считал, что ему просто улыбнулась удача. Сначала ЦК рекомендовал мало кому знакомого парня в «чрезвычайку». А там его сразу назначили на важную должность. Ничего странного. В конце концов, Яков успел побыть

начальником штаба Третьей Украинской армии. А что это была за армия и как она сражалась за революцию – кто станет разбираться? Потом сам Дзержинский поручил ему проверить безопасность германского посольства.

И только одно огорчало и тревожило Якова: всего за пару дней до покушения его вдруг отстранили от работы. Вслед за обидой появились подозрения. И бессонной ночью накануне акции они выстроились в строгую ровную шеренгу.

А что, если Дзержинскому известно о планах левых эсеров? Возможно, он сам каким-то образом и подбросил им идею покушения? И выбрал исполнителя, назначив Якова на такую удобную, как для заговорщиков, так и для слежки за ними, должность. А теперь, когда подготовка подошла к концу, Дзержинский не хочет, чтобы его имя было как-то связано с заговором.

Но тогда получается, что всё это – чекистская провокация! Утром в посольстве Якова будет ждать засада. И пострадает не только он, но и все лидеры левых эсеров. Нужно предупредить Спиридонову. Она поймёт и отменит акцию…

Коридоры Дома Советов на Моховой даже в этот ранний час походили на купейный вагон перед отправлением поезда. Вокруг суетились, шумели и толкались люди, только не с чемоданами в руках, а с папками и портфелями. А сама Спиридонова словно бы превратилась в проводника этого вагона. Все её только что видели, но никто не мог сказать, где

она сейчас находится.

Вдруг среди общего шума Яков различил произнесённое кем-то слово «фотограф». Он резко остановился и едва сдержал заковыристое еврейское проклятие. Уходя, он ни слова не сказал своему соседу по номеру Коле Андрееву, вместе с которым должен «идти на Мирбаха».

Сейчас Андреев наверняка уже проснулся и увидел, что Яков куда-то пропал. А Коля – парень впечатлительный, как бы не натворил глупостей.

Через мгновение Яков уже прыгал через ступеньку по парадной лестнице бывшей гостиницы «Националь». Обратно он домчался вдвое быстрее, но Коли в номере не оказалось.

Яков побежал дальше, к Лубянке. Сердце стучало, как колёса паровоза, а воздух вырывался из груди, словно пар из котлов, когда он наконец добрался до приметного дома на углу Варсонофьевского переулка.

– Ну вот, а говорил, что сегодня уже не вернёшься! – улыбнулся знакомый часовой у входа.

Яков уже проскочил мимо, но какая-то странность в словах красноармейца заставила его остановиться.

– Погоди, Василь, а когда я тебе это говорил?

– Ишь ты, как заработался, – по-прежнему улыбаясь, ответил часовой. – Уже и не помнит ничего. Час назад это было.

Яков тяжело привалился к стене.

– Ты н-ничего не путаешь? Это т-точно был я?

– Ну вот, здрасьте вам! Ты ж в двух шагах от меня в автомобиль садился. С этим, как его, фотографом…

– С Андреевым?

– Во-во, с ним самым. Я и подумал, чегой-то ты вернулся, да ещё пешком?

И тут Яков вдруг вспомнил, как почти полгода назад, возле разграбленного склада на Дальницкой улице, выслушивал такие же небылицы о себе. О том, что в кого-то стрелял…

И он побежал дальше. На Арбат, к особняку немецкого посольства в Денежном переулке. Яков на ходу заскакивал в проходящие мимо трамваи, так же спрыгивал с них, один раз не удержавшись на ногах и до крови разодрав коленку, но даже не почувствовав боли.

Он уже падал от изнеможения, когда из-за угла выглянул двухэтажный посольский особняк, ограждённый чугунной решёткой. Рядом стоял знакомый чёрный «Паккард», но кроме водителя в машине никого не было.

Из окон особняка донёсся звук пистолетного выстрела. Затем ещё один, и ещё. Опоздал! Яков метнулся к ограде – так быстрее, чем через ворота. Он перекинул правую ногу за верхний край решётки, но тут в гостиной что-то гулко громыхнуло. Бомба!

Яков дёрнулся и зацепился брючиной за острый фигурный выступ. Развернувшись спиной к зданию, он начал высвобождать ногу, как вдруг что-то толкнуло его в правое бедро. Боль пришла секундой позже, тяжёлой волной пробежав

по всей спине, от поясницы к лопаткам. Перед глазами расплылись красные круги. Яков, напрягая последние силы, перевалился через острые выступы ограды и упал на мостовую.

– Яшка, чего разлёгся? – услышал он голос Коли Андреева, и тут же чьи-то цепкие пальцы ухватились за его запястья. – Ходу!

Резкий рывок поднял Якова с мостовой. Стараясь не наступать на раненую ногу, он перенёс всю тяжесть на другую и тут же подвернул лодыжку. Андреев сообразил, что дело плохо, и поволок стонущего от боли друга по брусчатке к машине.

Дальнейшее проходило уже без его участия. Якова куда-то отвезли, зачем-то обрили наголо и переодели в грязную солдатскую гимнастёрку, потом попытались перевязать, и он потерял сознание. Очнулся уже здесь, в больнице на Большой Калужской. Вроде бы его привезла сюда на извозчике какая-то сестра милосердия. Яков, разумеется, не помнил её лица, но почему-то решил, что это была Варя.

И всё было бы не так уж и плохо, если бы не долетевшие с воли новости: на месте убийства германского посла найдены документы на имя Якова, и большевистский трибунал заочно приговорил его к высшей мере революционной защиты.

За больничными окнами постепенно темнеет. Вдоль коек медленно идёт Варя. Одному поправляет одеяло, другому слегка касается лба, проверяя, не началась ли лихорад-

ка, третьему просто ободряюще улыбается. Поравнявшись с койкой Якова, девушка едва различимо шепчет: «Через полчаса приходите в сестринскую, только чтобы никто не видел», и всё так же неторопливо шествует дальше.

Яков поднимает голову и удивлённо смотрит Варе вслед. Ай да девочка! Кто ж мог знать, какие отчаянные черти водятся в тихом омуте её глаз? Вот только Якову сейчас не до того, чтобы с девками миловаться. Он и до уборной-то добрался с превеликим трудом.

Промаявшись ещё с четверть часа, он с кряхтением поднимается. В коридоре темно, но из-под двери сестринской пробивается слабый огонёк свечи. Яков оглядывается, не наблюдают ли за ним, и заходит внутрь. Варя стоит у стола в глубине комнаты. Но он не успевает ляпнуть какую-нибудь глупость, девушка первой прерывает молчание.

– Яков, вам опасно здесь оставаться, – взволнованно шепчет она. – Я слышала, завтра будут проверять документы у всех больных. Вот, – она показывает рукой на лежащий на столе свёрток, – надевайте это платье и идите за мной. Я вас выведу.

Яков секунду-другую растерянно хлопает глазами, но подчиняется, не задавая лишних вопросов. И так всё ясно. В больницу он поступил как красноармеец Георгий Белов. Если Варя знает его настоящее имя, значит, она знает всё. А если не выдала до сих пор, значит, и не собирается. Вслед за девушкой он выходит из комнаты и направляется в сторону

парадной лестницы.

Одинокий фонарь горит на площадке между этажами. Огромная уродливая тень Якова медленно ползёт по стене. Она мало похожа на женскую. Скорее уж на монашескую, даже неумело повязанный платок больше напоминает куколь. Но это всё не важно. Вряд ли часовые что-то разглядят в полумраке. Главное – не хромать, держаться в тени и не раскрывать рта. Варя что-то отвечает на незамысловатую шутку пожилого усатого красноармейца, но таким тихим измученным голосом, что дядьке становится неловко отвлекать двух уставших сестёр милосердия. Та, что повыше, в косынке, так и вовсе едва на ногах стоит. Он с виноватой улыбкой отодвигается в сторону.

Яков и Варя идут по аллее к выходу из больничного сада. Там в будке сидит ещё один караульный. Девушка сама окликает его, спрашивая, можно ли будет вернуться после полуночи. Тот недовольно ворчит, ему не хочется лишний раз просыпаться. Однако всё-таки отпирает замок и пропускает женщин. За воротами Варя останавливается.

– Дальше вы пойдёте один, – с лёгким оттенком сожаления шепчет она. – Мне нужно ещё маму навестить. Прощайте, Яков. Храни вас Бог!

Якову многое хочется сказать девушке, но он лишь молча, почти по-братски целует её куда-то между щекой и верхней губой и не оборачиваясь уходит прочь.

Июнь 1929 г.

Кто-то из спешащих на борт пассажиров задевает Якова локтем. Тот вздрагивает и снова видит перед собой не милое личико Вари, а морщинистую, обеспокоенную физиономию профессора.

– Что с вами, Яков Григорьевич? Вам нехорошо?

Яков отрицательно качает головой, но тут же подхватывает невольно подсказанный предлог для прекращения разговора.

– Да, что-то нездоровится. Позвольте мне пройти.

Профессор отступает на шаг и уже из-за спины растерянно спрашивает:

– А как же книга?

Яков облегчённо вздыхает. Всё-таки это обычный эмигрант, не имеющий отношения к спецслужбам. Слишком уж легко считываются с его лица эмоции. Профессионал обязан контролировать свою мимику, а этот… Разве что он гениальный актёр, согласившийся сыграть такую нелепую роль. Что ж, Якову тоже не впервой лицедействовать.

– Что за книга? – деловито спрашивает торговец антиквариатом Якуб Султан-заде. – Если позднее семнадцатого века, то это не ко мне.

– Это совсем новая книга, – опять смущается старик и тянется рукой за пазуху. – Я должен передать её вам по прось-

бе…

– Хорошо, покажите, – перебивает Яков. Его совсем не радует перспектива снова услышать имя Троцкого.

– Вот, – профессор протягивает увесистый том в твёрдой белой обложке, покрытой блестящим составом.

Яков с любопытством рассматривает подарок. Да, книга необычная. В России такого делать не умеют. Однако название на русском языке: «Авантюристы Гражданской войны». Имя автора ничего Якову не говорит, но не в этом дело. Какой бы странной ни была книга, её главная особенность в том, что она передана Троцким.

– И что мне с ней делать? – с подозрением спрашивает Яков.

– Просто почитайте, – улыбается в ответ профессор. – Это очень интересно.

А Якову сейчас не до улыбок. Полученная от «врага революции» книга непременно заинтересует и кое-кого в Москве. Отношение к бывшему адъютанту Троцкого и без того настороженное. Нельзя рисковать из-за какой-то книжонки.

Но, с другой стороны, от неё прямо-таки веет тайной. Это трудно объяснить, но то ли книга, то ли сам старик как-то связаны с другими загадочными событиями его жизни. Ради разгадки тайны стоит пойти на риск. Опасно? Да, смертельно. Но разве Яков когда-нибудь боялся смерти? Нет, только смерти случайной, по недоразумению, как могло произойти

тогда, в Киеве.

Июнь 1919 г.

Яков медленно, шаркая ногами, поднимается по парадной лестнице бывшего Института благородных девиц. Ему не хочется подниматься. Страшно не хочется. В городе ходят слухи, что подвалы этого здания доверху залиты кровью. Обыватели, конечно, преувеличивают, но ЧК есть ЧК.

Однако выбора у Якова нет – с гноящейся раной на плече, кое-как перевязанной старым рушником, далеко не убежишь. Да и обложили его теперь с двух сторон – и большевики, и братья-эсеры.

Ужасно нелепо всё получилось.

С приходом красных оставаться в городе стало опасно. Чекисты уже арестовали нескольких левых эсеров, и хотя никто из них не знал настоящего имени Якова – для всех он был Григорием Вишневским, – лучше не рисковать и перебраться в Одессу.

И надо ж было ему проговориться о своих планах Лиде Сорокиной! Яков надеялся, что симпатичная девушка согласится уехать с ним. Даже собираясь на тайную эсеровскую сходку в лесу возле дачного посёлка Святошино – всё ещё надеялся. Хотя бы на романтичное прощание.

А вышло – романтичней некуда. Хорошо ещё, что эти робеспьеры решили зачитать приговор предателю и провока-

тору Григорию Вишневскому. Он успел прийти в себя, сбить оратора с ног и скрыться в кустах. Семь пущенных вдогонку пуль просвистели мимо, а восьмая вроде бы и не больно цапнула за плечо.

Яков неделю скрывался на чердаке заброшенной дачи, не решаясь вернуться в город. А когда всё-таки решился, услышал в трамвае много интересного: на днях эсеры средь бела дня прямо на Крещатике застрелили провокатора по кличке Живой и раструбили об этом по всему Киеву. Правда, ещё через два дня они снова хвастались, что убили его бомбой, бросив её в госпитальную палату. То ли в первый раз обознались, то ли и впрямь живучий оказался, падлюка, добивать пришлось.

Яков слушал эти разговоры да посмеивался. Кличку Живой он взял себе ещё весной, после того как попал под Кременчугом в лапы петлюровцев, лишился передних зубов и лишь чудом не расстался с жизнью. Обмишурились вы, товарищи эсеры, кого-то другого подорвали. Но, выходит, его и в самом деле считают провокатором.

А тут ещё одна неприятность – начала гноиться рана на плече. Нужно срочно показаться врачу, но любой эскулап, ещё практикующий в городе, сразу же сообщит в ЧК о пациенте с огнестрельной раной. Так зачем же тянуть?

Яков собирается с силами и заходит в приёмную. Громко называет дежурному свою фамилию. Почему-то она не производит особого впечатления на этого недоучившегося сту-

дента. Он со вздохом поднимается со стула, бурчит себе под нос: «Посидите немного, я доложу» и заходит в кабинет начальника Киевской ЧК.

Проходит пять минут тоскливого ожидания, и тот же очкарик приглашает Якова войти. И вот он стоит перед большим письменным столом, с дальнего конца которого на него смотрят серые и холодные, как вода в Рижском заливе, глаза товарища Лациса.

– Что вы о себе возомнили, молодой человек?! – неожиданно гудит латыш сквозь густую лопатоподобную бороду. – Или вы считаете, что мы обязаны вас разыскивать по всему Киеву и окрестностям?

Откровенно говоря, Яков именно так и считает. Но на всякий случай помалкивает, пока не выяснится, к чему клонит Лацис. А тот продолжает горячиться.

– Революция простила вам прежние прегрешения не для того, чтобы вы праздно болтались по городу. – Он бросает колючий взгляд на проступающую под рубахой Якова повязку. – И подставлялись под бандитские пули. Нашли время! Деникин рвётся к Харькову. Положение крайне серьёзное, у нас не хватает опытных командиров, а вы…

Мартын Янович густо вздыхает, проводит пятернёй по бороде и говорит уже спокойнее:

– Значит, так: ознакомьтесь с постановлением Ревтрибунала об амнистии, распишитесь внизу и марш в канцелярию за пропуском и мандатом. Приедете в Харьков, а там това-

рищ Антонов решит, как вас дальше использовать.

Яков в изумлении смотрит на гербовый бланк.

Конечно, странная речь Лациса немного подготовила его к неожиданностям, но всё же не настолько. Казалось бы, нужно радоваться: в Москве пересмотрели его дело, ознакомились с признательными показаниями, учли явку с повинной и решили амнистировать. Вот только никаких показаний он не писал и с повинной пришёл только сейчас, а не четырнадцатого апреля, как указано в документах. Тут какая-то путаница…

Или не путаница. Может быть, это опять оно? Необъяснимое. Ему снова приписали поступки, которых он не совершал, видели там, где его не было. Или был, но не он? Кто-то похожий, назвавшийся его именем. И этот кто-то вместо него стрелял в Москве в Мирбаха. И в Одессе бандитствовал с Мишкой Япончиком. Получается, он следует за Яковом по разным городам и везде выдаёт себя за него. Но какой в этом смысл?

– Да подписывайте уже! – не выдерживает у него за спиной Лацис. – У меня и без вас дел по горло. И загляните по дороге в лазарет. Не нравится мне ваше плечо…

И Яков подписывает. А что ему остаётся делать? Отказаться и героически встать к стенке, так и не выяснив, что за чертовщина с ним творится?

Июнь 1929 г.

Нетерпеливый пароходный гудок уже второй раз прокатывался по набережной, а Яков всё стоит у трапа и рассеянно вертит в руках странную книгу. Профессору надоедает ждать ответа, и он легонько, по-интеллигентски подталкивает молодого человека в спину:

– Да идите уже, Яков Григорьевич, а то опоздаете. Забирайте книгу и идите!

– Да-да… что?.. ах да, – бормочет себе под нос Яков и, не попрощавшись, поднимается по трапу.

Воспоминания не отпускают его, но Яков больше не позволяет себе окунаться в них с головой. И по грудь достаточно, чтобы всё внутри похолодело и сжалось.

Он заходит в свою каюту, отпихивает ногой в сторону чемодан и садится в кресло возле иллюминатора. За стеклом суетливо проносятся чайки. Словно воспоминания…

Видимо, в это мгновение, признав то, чего не было, он и переступил черту между слухами и реальностью. С тех пор всё так перемешалось, что он и сам порой переставал понимать, где правда, а где вымысел. Вполне адекватные и достойные доверия люди в одно и то же время видели его в разных местах – в Германии и в Персии, в Забайкалье и в Крыму. А ещё в Москве, где он напряжённо, по ускоренной

программе учился в Академии генерального штаба, а ночи напролёт кутил в компании поэтов-имажинистов.

Якову приписывали и звериную жестокость в пыточных подвалах ЧК, и дерзкие, тщательно спланированные покушения. На кого он только – если верить слухам – не покушался! На фельдмаршала Эйхгорна и адмирала Колчака, на гетмана Скоропадского и чуть ли не самого далай-ламу. А какими удивительными талантами он, оказывается, обладал! Временами Яков и сам готов был поверить, что читал кому-то по памяти стихи на фарси и спорил о стоимости бриллиантов с лучшими ювелирами Европы.

А потом накатывало отчаяние, желание раз и навсегда покончить со всеми загадками. И тогда… Пожалуй, слухи о его пьяных загулах были ближе всего к истине. Через несколько дней, протрезвев, он брался за изучение эзотерических книг, начиная от мадам Блаватской и заканчивая Абулафией и другими средневековыми каббалистами. Но и там не находил ответа.

Порой, чтобы хоть ненадолго избавиться от разъедающих душу сомнений, Яков разыгрывал из себя того маньяка-убийцу, каким нарекла его молва. Размахивать маузером перед носом окаменевшего от страха обывателя и в самом деле оказалось весело. Особенно забавно пугался при этом тщедушный и впечатлительный Оська Мандельштам.

А вот Серёге Есенину, наоборот, даже нравилось в подпитии заглядывать в чёрный глаз револьверного ствола. Веро-

ятно, его тоже что-то грызло изнутри. Однажды, когда они вместе в «Кафе поэтов» заедали водку кремовыми пирожными, Есенин начал рассказывать о своих внутренних чудовищах, но Яков слушал невнимательно, а потом и вовсе оборвал на полуслове.

– Нет, это ты меня послушай, – заплетающимся языком сказал он, положив руку на плечо поэта. – Все твои переживания – чепуха на постном масле. Ты и представить себе не можешь, что такое настоящий рок, предопределение. Когда кажется, что всё уже решили за тебя. Кто-то там, – он показал на хрустальную люстру над головой, – или там, – смачно плюнул себе под ноги. – И как бы ты ни дёргался, всё выходит так, как они решили. Даже если пальцем не пошевелил – всё равно оказывается, что ты это уже сделал. Или какой-то другой человек. Чёрный. Помнишь, как у Пушкина: «Мне не даёт покоя мой чёрный человек»?

Есенин лишь что-то промычал в ответ, давно потеряв нить разговора.

– Вот смотри, – Яков порылся в карманах и достал какой-то смятый бланк. – Сидит вон за тем столиком человек, видный литератор. Как Оська его называл? А, неважно! Сидит он себе, пьёт, разговаривает, строит планы на завтра. А кто-то там, в небесной канцелярии уже пишет на таком вот ордере… – Он достал из того же кармана химический карандаш и крупно вывел поперёк листа, проговаривая вслух: – Рас-стре-лять! Вот так! И ставит печать. И всё – нет челове-

ка. Понимаешь, Серёга?

Молчание. Голова Есенина начала клониться набок.

– Вот и мой ордер уже подписан, понимаешь?

Серёга уже ничего не хотел понимать. Но вдруг Оська, угрюмо пялившийся на последнее пирожное, вскочил, оббежал стол и выхватил бланк из-под руки Якова.

– Это омерзительно! – кричал он, разрывая листок на мелкие части. – Это чудовищно. Это…

Тут Серёга всё-таки проснулся, схватил Оську за плечи и тряхнул как следует. А потом улыбнулся. Он так умел улыбаться, что все обиды забывались мгновенно. И Оська остыл, но обратно за стол не сел, ушёл не попрощавшись.

Конечно же, и эта история потом обросла слухами. Ну и ладно – не в первый раз и не в последний. А Есенин… Эх, Серёга! Если бы Якова тогда не откомандировали в Монголию – вот уж где был, там был, – может, ничего с Есениным не случилось. Посидели бы, выпили, поговорили. Глядишь, и отпустило бы. Но Есенин уехал в Питер один и там…

Разумеется, и в его смерти потом обвинили Якова. Но на эту чушь и вовсе не стоило бы обращать внимания, если бы… Если бы не предсмертные стихи, которые Яков прочитал в жутко, почти на год запоздавшей в Ургу «Красной газете»:

До свиданья, друг мой, до свиданья…

В своей жизни Яков не раз получал страшные, чудовищно неправдоподобные известия и, казалось, должен был уже ко всему привыкнуть. Но наткнуться на свои собственные стихи, написанные лет пять назад, когда его самого впервые посетила мысль о самоубийстве, – стихи, никогда и никому таки не показанные, – нет, это было слишком даже для него. Вот тогда-то и случился с ним дикий запой, в результате которого ОГПУ пришлось срочно отзывать Якова из Монголии. И ещё долго не поручать каких-либо серьёзных дел…

В дверь каюты негромко, но настойчиво стучат. Яков встаёт с кресла, кладёт на стол так и не пролистанную книгу – на всякий случай, форзацем вниз – и идёт открывать.

Молодой помощник капитана, с несколько встревоженным выражением на румяном лице, прямо с порога заявляет:

– Капитан приносит вам свои извинения, господин Султан-заде, но вам необходимо срочно выйти на палубу.

– Что-то случилось?

– Вы только не волнуйтесь, – извиняющимся, но в то же время требовательным тоном отвечает помощник. – Скорее всего, это ложная тревога. Но мы обязаны обеспечить безопасность пассажиров.

– Да в чём дело-то? – не выдерживает его дипломатии Яков.

Румяный помощник вздыхает и заученно, вероятно, в двадцатый раз, повторяет:

– В полицию поступило сообщение о бомбе, заложенной террористами в трюм нашего корабля. Пока идёт проверка, пассажирам рекомендовано погулять по набережной.

– Надо же, террористы! – усмехается Яков. – Никогда не видел живых террористов.

От этой незамысловатой шутки настроение улучшается, и он послушно высаживается обратно на берег. Находит в каких-то ста шагах от трапа вполне приличную кальянную и неплохо проводит там время, лениво наблюдая за суетой на пароходе.

Когда он вернулся в каюту, книги на столе не было.

Октябрь 1929 г.

И вот теперь она появилась.

Это Яков знает уже наверняка. Он проносится через прихожую и коридоры, отбрасывает в сторону кальян, халаты, буддийские побрякушки и прочие ненужные вещи, преграждающие дорогу к мехельскому книжному шкафу. Вот она, стоит на самом видном месте.

Яков протягивает чуть дрожащую – от усталости, конечно же, – руку и снимает книгу с полки. Да, всё та же блестящая обложка, та же расплывчатая фотография, то же дурацкое название.

Нужно срочно сжечь её. Пусть это ничего не исправит, но зачем оставлять главную улику? А потом бежать отсюда. Но

куда? К тому, кто ещё ничего не знает. Может, к Лизе Горской? Нет, она узнает одной из первых. И об их романе в ОГПУ наверняка известно. Лучше он ей потом позвонит из безопасного места. Или попросит позвонить кого-то постороннего.

Ладно, это всё по дороге можно обдумать. Главное – выскочить из дома незаметно. Но сначала сжечь книгу.

Вот так просто взять и сжечь? И даже не посмотреть, что там внутри? Яков раскрывает книгу, бегло листает, пропуская по десятку страниц за раз, пока не натыкается на фамилию Мирбах. И на той же строчке находит свою. Дальше просматривает уже медленней, механически отмечая знакомые имена: Георгий Белов, Григорий Вишневский, Лида Сорокина, Мартын Лацис.

Вот оно, значит, как! Вся его жизнь аккуратно вписана в несколько страничек. Ну, может быть, не совсем его, а та, которую Яков признал подлинной, расписавшись в постановлении об амнистии. Но неужели действительно вся? И даже… Он не успевает додумать эту мысль – фамилия Троцкий сама бросается в глаза, как будто написанная крупней остального текста. И рядом со Львом Давидовичем скромно пристроилось слово «книга».

Яков ошеломлённо трясёт головой. Такого просто не может быть! В книге написано, что эту же самую книгу, передадут ему, Якову. Бред! Мистика! Чертовщина! Но разве мало было чертовщины в его жизни?

Яков целую минуту стоит неподвижно, а затем присаживается на край дивана. Будь что будет, но он это дочитает. Чтобы узнать, что именно будет.

Стрелка больших напольных часов методично стряхивает с циферблата секунды. Перевернув очередную страницу, Яков находит фамилию Радек, а чуть дальше упоминается и Лиза Горская:

> «Горская, которой несколько месяцев назад было рекомендовано вступить в интимную близость с Блюмкиным, уговорила любовника спрятаться в её квартире до утра, а затем сообщила о нём коллегам из ОГПУ».

Ах даже так? Ну и стерва же ты, Лизонька!

Значит, с ней встречаться нельзя. Хотя что значит «нельзя»? Если об этом уже написано, значит, он так или иначе попадёт в квартиру Горской. А там его будут ждать с распростёртыми объятиями.

И чем же, интересно, всё кончится?

> «По одной версии Блюмкин перед казнью воскликнул: „Да здравствует товарищ Троцкий!“ По другой – запел: „Вставай, проклятьем заклеймённый!“»

Яков криво усмехается. Красиво, но глупо. Потом перечитывает ещё раз. Ага, значит, всё-таки «по одной версии – по другой версии». Хоть в чём-то право выбора – с какими словами умирать – за ним сохранили. А может быть, не только в этом? Раз уж невозможно помешать тому, что на-

писано в книге, почему бы не попытаться изменить то, что в ней написано? Зачеркнуть? А поможет ли? Ведь не зря говорится: не вырубишь топором. А что если дописать – «по третьей версии»? Что он, в конце-то концов, теряет? И коль пошла такая пьянка, приписать нужно что-нибудь гордое и героическое.

Яков подходит к письменному столу и достаёт из чернильницы перо, затем склоняется к книге и старательно, каллиграфическим почерком, как учили в одесской Талмуд-Торе, пишет на свободном месте:

> «Согласно ещё одной версии, расстрел Блюмкина был инсценирован ОГПУ, а сам он с секретным заданием отправился на Дальний Восток, откуда перебрался в Германию, выдавая себя за немецкого аристократа…»

Генриха? Или Отто? А если ещё вычурней – Макса Отто? И обязательно добавить «фон» для пущего аристократизма.

> «…Макса Отто фон…»

Чёрт, какую бы фамилию посмешнее придумать?

Яков распрямляет спину и долго смотрит в окно, рассеянно насвистывая мелодию неизвестно где и когда прицепившейся к нему песни: «Ду трахтнет ас ди регес штелс цу оп…»[1].

---

[1] Не думай о секундах свысока (*идиш*).

Татьяна Белоусова
Царская корона для королевы
Основано на реальных событиях реальной истории XX века

13 октября 20** года

Модная писательница Дарья Зимина не для того знала английский в совершенстве и эмигрировала из России, чтобы лондонский издатель звонил ей рано утром, когда она едва легла спать, и заявлял, что они расторгают контракт. Без объяснения причин.

Дарья Зимина никогда не поверила бы, что в Англии есть цензура. Не иначе, это происки вездесущей царской «охранки», преследующей неугодных и в двадцать первом веке, как во времена опричнины.

Дарья Зимина знала себе цену и знала силу своего слова. Едва приведя себя в порядок, она поспешила в офис издательства, дабы разобраться на месте.

* * *

В Лондоне не было туманов уже лет сто, но в это утро едва можно было разглядеть что-то за окном кеба. Туман был холодный, белёсый и вязкий, как кисель. Глядя на этот туман из окошка автомобиля, Дарья вспоминала вчерашнюю ночь и вечеринку. Ей уже не двадцать лет, ей следует меньше пить.

Кеб остановился по указанному адресу, и писательница вышла на тротуар.

Адрес был правильный. Старинный особняк всё так же стоял на месте, всё те же были ступени и ставни на окнах, те же дома по соседству. Но не было вывески.

Дарья поднялась по ступенькам, стряхивая с ног лоскуты тумана, и открыла дверь. Внутри не было ничего. В окна просачивался туман.

Старое издательство, находящееся в этом здании больше тридцати лет, вдруг съехало? Ничто этого не предвещало.

– Эй! – крикнула Зимина. – Есть кто?

Из соседней комнаты вышел человек с кипой бумаг. Вид у него был слегка растрёпанный, но в то же время стильный. Зимина заподозрила в нём коллегу.

– Простите, вы не знаете, куда съехали «Рейли и партнёры»?

– Не знаю, – тот смотрел на неё как на идиотку. – Теперь

здесь будет звонить колокол. Хотите тоже позвонить?

Где-то далеко за стенами особняка, за туманом, послышался колокольный звон. Зимина не помнила, чтобы раньше над Лондоном слышались колокола. Этот звук неприятно напомнил ей о злосчастной родине.

– Нет, не хочу, – своих коллег, даже близких по взглядам, Дарья недолюбливала.

Модная писательница решительно вышла в туман. Возмутительно! Они не имеют права так с ней шутить!

* * *

Дарья постояла немного на тротуаре в ожидании хоть какой-нибудь машины, но из тумана не появилось ничего, даже звука. Колокол тоже больше не звонил.

Она зашагала по тротуару, всё ещё кипя от негодования.

Что могло случиться? Издатели узнали про её «источник»? Но едва ли это повод спешно бросать свой офис…

Дарья Зимина не сомневалась в своём таланте, ей не нужны подсказки, она почти не употребляет стимуляторы. И она никогда не опускалась до плагиата.

Это не было плагиатом!

Полгода назад Зимина, наконец, купила в пригороде Лондона небольшой особняк. Сдержанный и строгий, как сама Англия. И столь же холодный. Рабочим было велено почистить камин. Рабочие нашли в камине странный свёрток:

в карту Российской империи, отпечатанную в 1917 году, была завёрнута рукопись. Пачка жёлтых, хрупких листов, испещрённых каллиграфическим почерком. По-русски.

Дарья прочитала рукопись и сочла её весьма заурядной фантазией. Даже гнусной клеветой. Ей бы и в голову не пришло присваивать себе такую посредственность! Просто захотелось заочно поспорить с неизвестной авторшей. А в том, что рукопись принадлежала перу женщины, притом явно недалёкого ума, Дарья не сомневалась.

Через полгода её новая книга была готова. Издатель подписал с ней контракт. А теперь исчез.

И откуда взялся этот гнусный туман?!

* * *

Туман, словно вата, скрывал не только образы города, но и его звуки.

Дарья не знала, как поступить дальше, что делать с книгой? Хотя аванс ей заплатили, значит, рано или поздно издатель сам её найдёт. Выйдет из тумана, да.

В памяти закрутилось «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана…».

Нужно поймать машину. Или хотя бы найти метро. Но ничего не было видно.

В кармане у Дарьи тихо звякнула мелочь, это был единственный звук в окружающем пространстве. Странно, ведь

она обычно не пользуется мелочью. Откуда у неё монеты? Она на ходу опустила руку в карман и нашла там один жёлтый кругляш. Золотой английский соверен, год 1917.

Звон не прекратился, теперь он слышался откуда-то из-за белёсой завесы. И становился всё громче.

Судорожно сжимая старую монету, Зимина пыталась хоть что-то разглядеть вокруг. Откуда у неё эта монета? Откуда этот туман? Откуда этот звон?

Из тумана кто-то показался. Целая процессия шагала по проезжей части. Дарья невольно отпрянула к противоположному краю тротуара.

Из тумана проступали очертания каких-то огромных, в человеческий рост, шарнирных кукол. Они брели неуклюже, подёргивая конечностями, как марионетки. Приглядевшись чуть внимательнее, Дарья на самом деле заметила тонкие золотистые нити, привязанные к рукам и ногам кукол. Другие концы «верёвочек» уходили куда-то вверх, в непроницаемый туман.

Процессию сопровождал звон монет.

* * *

– Что за чертовщина сегодня происходит?! – Дарья Зимина сделала ещё один шаг назад и почувствовала, что падает.

Но упасть ей не дали.

– Мисс Зимина? – Сильные мужские руки подхватили её

и помогли удержаться на ногах.

Дарья обернулась и увидела весьма презентабельного джентльмена средних лет. Он был ей незнаком, но опасений не вызывал.

– Ох, простите, – нервно хихикнула она. – Вы не знаете, что это за безумие?

Кукольный марш уже почти скрылся из виду. Звон монет затих.

– Так, работа, – джентльмен лишь равнодушно махнул рукой. – А вы как, уже поздравили японского императора?

Дарья опять растерялась и отпрянула от него.

– Какого ещё императора? Кто вы?

Тот примирительно поднял руки.

– Прошу прощения! Я по поводу вашей работы.

– Так вы от «Рейли»! – обрадовалась Зимина. – Почему они съехали оттуда?

– Они сменили штаб-квартиру, – уклончиво ответил он. – Может быть, присядем?

За его спиной оказалось маленькое летнее кафе. Дарья удивилась, как она раньше не заметила столики.

– Прошу, макароны по-флотски, – крикнул мужчина в сторону кухни, подводя писательницу к столику.

– Вообще-то я не голодна, – кокетливо качнула головой писательница.

Джентльмен благодушно улыбнулся.

– Позвольте представиться, я Азиф. Мистер Эвно Азиф.

Как я вижу, вы уже получили аванс?

– А… да, – она быстро кивнула и только тогда заметила, что всё ещё сжимает в кулаке золотую монету. Рука немедленно разжалась, и золотой кругляш упал на стол. – Прошу прощения, сегодня такой странный день…

– Вам совершенно не за что передо мной извиняться! – горячо заверил мистер Азиф. – Вам вообще не за что извиняться, вы молодец. Я работаю со многими писателями. И хочу заявить, что ваша книга заслуживает королевской награды.

– О, я польщена! Должна признать, это моя первая работа в таком жанре. Вообще-то мне не свойственно подобное фантазёрство, просто иногда хочется изменить мир к лучшему – хотя бы в своём воображении.

– И вы замечательно потрудились! – Азиф хлопнул в ладоши. – Королева вами очень довольна.

Официант беззвучно поставил на столик тарелку макарон вперемешку с фаршем. Дарья и не думала, что в Лондоне такое готовят.

– Королева? – Она восторженно прижала руки к груди. – У вас есть связи в правительстве Её Величества?

– Можно и так сказать…

Такого успеха Зимина не ожидала. Она смущённо опустила взгляд в тарелку и тут же замерла. Между макаронин и кусочков фарша отчётливо виднелись белые – просто снежно-белые! – черви. Они живо шевелились, исходящий от

блюда пар, казалось, не причинял им никакого вреда.

– Вы только посмотрите, что нам по… – возмущённо вскинулась Зимина и резко осеклась. А ещё через мгновение едва не заорала в голос.

Напротив неё за столиком был уже не мистер Азиф. На его месте сидела какая-то девица в очень старомодном платье. Лицо её было бледным и словно неживым.

От последней мысли Дарья сама похолодела. Ей показалось, что туман вокруг стал ещё гуще.

– Вы меня не узнаёте? – вопросила девица дрожащим голосом, словно вот-вот расплачется. – Я Анечка, фрейлина императрицы.

– Где Азиф? – зачем-то спросила Зимина, гневно сжимая кулаки. Когда она доберётся до того, кто устроил ей этот дурацкий спектакль… Она просто не знала, что с ним сделает!

– Я Анечка, – плаксиво повторила бледная девица. – Почему вы не поверили моему письму?

* * *

Анна Меркулова, служанка при императрице Марии Фёдоровне, матери правившего в России конца XIX – начала XX веков царя Николая II. Это от имени Анны была написана найденная в камине рукопись. Строго говоря, то был всего лишь десятистраничный рассказ, похожий на дневниковую запись, о том, как в России в 1917 году произошло два

переворота подряд. И якобы произошли они при активном участии британской разведки. После чего, по словам весьма дурно владеющей словом авторши, империя потеряла значительную часть своих территорий и погрузилась в Гражданскую войну…

Дарье тогда такая версия показалась безвкусным истерическим бредом, не стоящим особого внимания. Но в то же время ей захотелось заочно поспорить, описать своё представление о демократическом развитии России. Более реальное, чем мифические козни английских шпионов!

– Почему вы мне не верите? – Она пыталась схватить Дарью за руки, пальцы у неё были холодные. – Они предали, предали, предали! 24 ноября 1918 года на севастопольском рейде появились британские боевые корабли. Но спасти они собирались не всех, только тех, кто был под надзором комиссара Задорожного. О, какая это была страшная осень! Моя императрица отказалась ночью тайком бежать из своей бывшей империи! Она потребовала, чтобы были спасены и её друзья, знакомые и слуги. О, «союзники» согласились, только почему-то заставили её ждать ещё почти полгода!

– Какая императрица, какой комиссар, что вы несёте?! – Дарья отдёрнула руки и отпрянула от стола.

Черви в тарелке всё ещё шевелились, а девица не умолкала:

– Мария Фёдоровна прибыла в Лондон 8 мая 1919 года. О, её очень тепло приняли её сестра, королева Анна, и пле-

мянник, король Георг V. О, английский монарх щедро одаривал тётушку своим королевским вниманием! Только он и словом не обмолвился о том, что именно его отказ предоставить убежище погубил жизни детей и внуков Марии Фёдоровны. Да и забота его была не бескорыстна, нет, как и весь план сокрушения Российской империи…

Зимина почувствовала тошноту от червей и бреда и решительно вскочила из-за стола.

– Кто ты такая? – сипло выкрикнула она. Язык почему-то не слушался, в горло словно насыпали песка.

– Я – Анечка! – И тоже поднялась со стула. – Знаете, что им было нужно?! Шкатулка с драгоценностями моей императрицы, одна из лучших в мире коллекция бесценных украшений! Они знали, что Мария Фёдоровна смогла вывезти их из России. Будто им другого было мало… До своей смерти, 13 октября 1928 года, Мария Фёдоровна прожила в Копенгагене. Сразу после её смерти в Данию отправился посланник из Лондона, Барк – последний министр финансов нашей империи. Он смог уговорить дочерей императрицы передать шкатулку ему на хранение в Британии. О, они умеют уговаривать!..

– Какой Ба…

– Часть этих драгоценностей «хранится» там до сих пор. – Голос Анны тоже стал хриплым. – В дни больших праздников их можно видеть на членах британской королевской семьи: овальная бриллиантовая брошь с бриллиантовой за-

стёжкой, принадлежащая ныне принцессе Кентской; бриллиантовая тиара v-образной формы с уникальным сапфиром в центре, принадлежащая Елизавете II; и ещё несколько десятков ценностей.

– Бред, бред, бред, – в душе Дарьи боролись два чувства – страх и злость.

– Это не бред, это правда! – Истеричная девица обошла стол и попыталась снова её схватить. – Драгоценности, флот, куклы, золото, измена, листовки, война, море, земля, ложь, агенты, бомбы, сделки, слова, слова, слова…

– Хватит! – Дарья схватилась за голову и опрометью бросилась в туман.

* * *

Она не видела, куда бежала. Только слышала, как кто-то идёт за ней. Она бежит, а кто-то идёт – и всё равно не отстаёт, как в дурном кино или сне.

Ноги начали вязнуть в какой-то багровой грязи, словно она забрела на болото. А следом кто-то шёл, шёл, шёл…

Неожиданно к мерным шагам добавилось журчание воды. Мостовая под ногами стала чище, и Дарья разглядела, что бежит вдоль какого-то канала. Неужели она оказалась у реки?

С другой стороны от неё из тумана проступила стена, серая, влажная, с непроницаемыми тёмными окнами.

Расстояние между стеной и водой постепенно сужалось. Если бы кто-то вышел Дарье навстречу, они едва ли смогли бы разойтись. Но кто-то шёл следом.

Тротуар всё сужался и, наконец, полностью ушёл в стену. Или растворился в воде и тумане?

Дарья остановилась. Сердце её бешено колотилось, а мысли, напротив, едва шевелились. В Лондоне ведь нет таких каналов! Это больше похоже на Венецию. Но как она оказалась в Венеции?

И кто идёт за ней?

Дарья прислонилась к стене и обернулась.

Из тумана вышла молодая женщина, но это была уже не Анна. Светлокожая, темноволосая, довольно красивая, одетая в пышное платье с чёрными и золотыми кринолинами. За подол цеплялись клочки тумана. Голову женщины украшала корона: венец с чередующимися четырьмя крестами и четырьмя геральдическими лилиями, выше которых от крестов шли четыре полудуги. Венчал корону шар с крестом. Внутри – бархатная шапка с горностаевой опушкой.

Дарья сама не поняла, почему так пристально рассматривала эту корону. В такой обстановке вроде бы не до мелочей…

По мере того как женщина приближалась, её чёрные волосы белели, а молодая кожа стягивалась и желтела. Совсем близко к Дарье подошла старуха с растрёпанными седыми прядями. Только осанка её осталась прежней.

– Вы отлично выполнили работу, – старуха в короне улыбнулась, показав белые клыки. – Я очень довольна вами. – И с силой ударила Зимину в грудь.

Где-то поблизости опять звякнули монеты.

Дарья повалилась в воду, отстранённо подумав, точнее, вспомнив, что она не умеет плавать.

Речную гладь покрывал плотный туман.

13 октября 20** года

Дарью Зимину разбудил телефонный звонок. Едва проснувшись, первое, что она почувствовала, – это ноющая боль во всём теле. Шея и спина затекли неимоверно! И как её угораздило заснуть в кресле?

Огонь в камине давно погас, за окнами светило солнце… Мобильный надрывался.

Морщась, Дарья взглянула на дисплей: было 10:15 часов утра, 13 октября…

Звонили из издательства.

– Алло, – ответила она, едва шевеля языком.

– Мисс Зимина? С вами всё в порядке?

– Да… Мистер Рейли?

Что за безумный сон ей приснился?!

– Да, да, это я. Сегодня у вас пресс-конференция, вы помните?

– Да… – вяло повторила она. – Вы не поменяли штаб-

квартиру? То есть офис?

– Что? Офис? – Редактор, кажется, растерялся. – Нет, с чего вы взяли? Вы точно в порядке? Вы… кхм… что-то отмечали вчера?

– Нет! – От злости она немного взбодрилась. – Я не пила. Я скоро буду.

Модная писательница Дарья Зимина отложила телефон и со стоном встала из кресла. За окном стоял чудесный осенний день. Никакого тумана не было.

Сергей Беляков
Ау

– Ма-а-а-ааанька-а-а-а-аа!!!

Истошный вопль Караваева заметался эхом в каре бараков, понёсся в сторону леса и застрял в чаще. Шпагин вздрогнул от неожиданности, едва не выронив оловянную тарелку с кашей.

Во дворе пусто. Солнце натруженно катилось за горизонт, напоследок проталкивая толстый ломоть густо окрашенного жёлтой цветочной пыльцой воздуха сквозь зазор между стенами соседних бараков.

Старшина Караваев опять потерял из виду любимицу, корову Маньку, и в который уже раз исходил страхом, опасаясь, что строптивая тварь забежит в лес и угодит на зуб волкам или подорвётся на мине, которых в окружающей Фалькенхаген чащобе было куда больше, чем пацанов-снайперов в Треплине. Манька снабжала команду молоком, что было самое то – старшина не баловал их разнообразием рациона. Для «повышения надоя», как выражался старшина, он выгонял Маньку пастись за ворота форта, время от времени контролируя скотину трофейным цейссовским биноклем. Корову было видно и без оптики, но старшина любил пофасонить.

Лес наполнял воздух влагой и запахом хвои. Исполинские размеры елей подавляли, и таинственность древнего леса бу-

дила в Шпагине память о том детском трепете, который он испытывал, когда зачитывался сказками братьев Гримм. Во тьме чащобы наверняка водились драконы и принцессы, карлики и великаны, духи, маги…

Шпагин ткнул ложкой в ненавистный комок перловки. Перед глазами замаячила хрустящая белая скатерть, столовое серебро, сервизные тарелки, супница размером с три футбольных мяча, потом сам суп, с унтер-офицерскими медалями жира, как говаривал классик, а главное… Зузанна, проказница-служанка, с бёдрами таких форм, что Афродита изошла бы желчью, увидев их. Зузанна щедро подливала наваристый суп лейтенанту-химику, стреляя волглыми карими очами, и мягко улыбалась, когда он, словно невзначай, дотрагивался до её горячего бедра.

Лейтенант помотал головой и поставил тарелку на скамью, рядом с раскрытым научным журналом. Порыв ветра перелистал несколько страниц. Шпагин автоматически поймал взглядом название статьи на английском – «Валентность хлора в соединениях с другими галогенами. VII. Нестабильные соединения азота, фтора и хлора…», нахмурился, быстро закрыл журнал и обвёл взглядом двор.

Никого.

Он поднял голову. Турельная спарка на бывшей водонапорной башне, рядом с крайним бараком, зажужжала сервоприводом. Стволы спарки опустились в сторону леса.

– Вятка? – крикнул Шпагин.

– Смольна! Шатуны лезут! – сдавленно ответили ему с башни.

Мгновением позже спарка зашлась в судорожном лае, открыв огонь по заросшему сорной травой брюквенному полю между лесом и фортом. Отзыв «Смольна» означал, что караул на башне заметил передвижение противника.

Фронт – если разорванную танковыми клиньями Рыбалко и Лелюшенко линию, разделяющую две воюющие стороны, можно было назвать фронтом – ушёл далеко. Невнятное бухание гаубиц и отдалённый вой «катюш» давали понять, где происходит главное событие, битва за Берлин. Причастность к войне здесь ощущалась только по редким «шатунам» – бродячим группам немцев, численностью от нескольких человек до полуроты, разношёрстных по составу и различных в агрессивности поведения.

На этот раз, если судить по тому, как резво и плотно затрещали шмайссеры за редутом, простым отпугиванием своры дело не закончится.

Шпагин подхватил автомат и сумку с рожками, на бегу заталкивая журнал в боковой карман комбеза. От углового барака к амбразурам уже сыпались горохом солдаты взвода охраны.

* * *

…В апреле сорок пятого десяток танков из бригады Лелю-

шенко замер у передового дота объекта Фалькенхаген, упрятанного глубоко в землю.

Незадолго до этого немцы эвакуировали наиболее ценное оборудование, документацию и персонал научного центра. Попытка захвата Фалькенхагена до начала эвакуации отрядом английских парашютистов провалилась – «джампмэнов» сжигали огнемётами в воздухе, до приземления.

Высаженный с брони танков десант быстро сломал сопротивление немногочисленного гарнизона охраны, который состоял в основном из пожилых солдат запаса, вооружённых неказистыми австрийскими винтарями. Немного крови попортил тот самый дот у крайней башни форта – умелый, экономный огонь пары МГ-42 долго не позволял десанту подобраться к воротам форта. В итоге дот расковыряли из подоспевшего «Зверобоя»-самоходки.

Злые, как черти, матросы-добровольцы десанта, прикреплённые к Лелюшенковской четвёртой бригаде, хотели было порешить пару десятков трясущихся от страха запасников, но рассудительный командир-танкист запретил бойню. Немцев заперли в одном из просторных помещений подземного бункера, до подхода тылов.

Бункер сам по себе был многократно больше объёмом, чем несколько бараков на поверхности, в которых размещался гарнизон охраны; насколько больше, никто не знал. Матросы с опаской заглядывали в длинные тёмные коридоры, не решаясь проверить, что в них находилось. Минирование

подземных коммуникаций было популярным занятием у отступавших немцев.

После ухода сапёров, вычистивших верхние этажи бункера от фугасных зарядов, нижние уровни закрыли от греха подальше. Выложенные белым кафелем прохладные помещения верхнего уровня вот-вот должны разместить госпиталь-санаторий для танкистов бригады Лелюшенко.

Дело приняло другой оборот, когда в бригаду из Москвы прилетел сухощавый угрюмый капитан-химик в застиранной добела форме. Страшновато кося вниз-в-сторону правым глазом, капитан долго говорил с зам-по-тылу бригады, тихо, но наставительно убеждая последнего не спешить с открытием госпиталя в Фалькенхагене. Тыловик, полковник, пару раз спесиво обрывал младшего по званию. Тогда капитан достал из планшетки конверт, на котором посеревший лицом полковник увидел гриф «сов. секретно» рядом со штампом Четвёртого управления НКВД. Окончательно добила начальника шёпотом произнесённая фамилия «Судоплатов».

Вместе с капитаном Николаевым прилетела команда из пяти человек: четверо мужчин и миловидная, небольшого роста женщина, единственная из пяти, не носившая военную форму. Похоже, перелёт их здорово измотал: пока Николаев говорил с зам-по-тылу, все пятеро дружно распластались на полу в приёмной зале Хассельхофа у огромного камина, подложив вещмешки под головы, и зашлись таким могучим

храпом, что снующие туда-сюда бесчисленные адъютанты, каптёрщики и прочая военно-хозяйственная братия почтительно обходили их лежбище стороной.

Упомянутая фамилия и письмо помогли капитану и его странной команде разжиться взводом охраны, коровой с поваром и хитрованом-старшиной Караваевым. Спустя три часа колонна из двух «виллисов», двух «студебеккеров», бронетранспортёра и трёх мотоциклеток двинулась из Хассельхофа на Треплин, а потом – на Фалькенхаген.

По прибытии на объект охрану разместили в бараках, окружающих монолит входного тамбура, который вёл в подземелье. Загадочная шестёрка «спецов», как сразу же окрестили приезжих из столицы, поселилась на первом уровне бункера. Капитан занял самый шикарный отсек, оснащённый собственным туалетом и даже ванной. Караваев был рад до предела: в углу внутреннего двора мощного форта, окружавшего бараки, в отдельном здании нашёлся стационарный генератор с приличным запасом солярки.

Спецы днями ковырялись в бункере, выползая на свет только для кормёжки и сна. Караваев попытался было робко выяснить, чем именно занимаются спецы в подземелье, но косой взор капитана отшил его на раз.

Лейтенант Пётр Шпагин, как и Сергей Николаев, был военным химиком. В состав команды входили также два сапёра – опытные, терпеливые и степенные сержант Крюков и старший сержант Малинников, а также военврач второго ранга

Штильман.

Наособицу даже в этой странной команде стояла подростковых размеров «гражданская», Юлия Асмолова. По краткому описанию Николаева, она занималась физикой высоких энергий и до войны работала в ЦАГИ у Чаплыгина.

Что могло свести вместе такую разношёрстную компанию, никто из них не знал. Только Николаеву была известна истинная задача их работы в подземелье, но спрашивать его спецы не рвались. Они плотно проинструктированы особистами, не совали нос в дела других и были сосредоточены на собственной работе.

Жизнь форта легла в колею. Манька, как окрестил корову старшина, снабжала гарнизон свежим молоком. Охрана периодически обстреливала редкие группы шатунов, которые не осмеливались нападать на хорошо укреплённый форт. Ситуация в войне поменялась на все сто восемьдесят, как утверждал комвзвода охраны лейтенант Лютенко, который по странной прихоти судьбы начал войну в сорок первом в том же лейтенантском звании, долго блуждал («як ци нимци», говорил он) в котле под Вязьмой, был ранен, по возвращении разжалован в рядовые и крещён огнём штрафбата… Никто лучше него не знал, что сейчас творится за мощными брустверами форта.

Именно поэтому, сразу же после того, как за насыпью, на брюквенном поле, сухо застрекотали автоматы, Лютенко, подозревая худшее, вмиг поднял взвод. Трёхосный «броник»,

чихая от натуги, вкатился по насыпи на укреплённую площадку у ворот и тут же включился в дуэт со спаркой на водокачке.

Когда во дворе разорвалась первая мина, под ложечкой у Лютенко ёкнуло. До сих пор шатуны не таскали с собой миномёты. После нескольких следующих разрывов лейтер понял, что, во-первых, миномёт у нападающих не один, а во-вторых, это был приличный калибр.

И не фрицевский, похоже.

Переползая из страны в страну на пузе в составе матушки-пехоты, он хорошо усвоил звуки работы типовых миномётов вермахта, но эти разрывы звучали по-другому. Он непонимающе глядел на желтоватый дымок, потянувшийся из воронки, где только что разорвалась мина.

– Газы! Газы, мать вашу, газы-ы-ыы! – захлёбываясь, орал бойцам у амбразур Шпагин. Он мчался по диагонали от стенки форта ко входу в бункер, на ходу напяливая противогаз.

Лютенко послушно, как во время учений, закрыл глаза, сделал выдох и сунул руку в противогазную сумку… но пальцы наткнулись на гладкую поверхность яблока. Он выложил противогаз пару дней назад. Ругая себя за легкомыслие, взводный почувствовал першение в горле, которое усиливалось с каждым вдохом, потом боль в лёгких… голова пошла кругом… Он видел, как его бойцы, надев противогазы, вели огонь, но звуки боя уже не проступали сквозь вату, которой кто-то невидимый обложил его, словно ёлочную игрушку.

Он видел, что химик схватил в охапку выскочившую из бункера «вчытельку», как Лютенко называл Асмолову, и упал вместе с ней на землю, прикрывая от разорвавшейся рядом мины…

Вата превратилась в мрак.

* * *

– Окислительное число – штука предельно капризная и настолько же постоянная. Вот у вас в физике полно всяких констант, да? Химия, особенно химия галогенов, о такой постоянности может только мечтать!

– Да будет вам, Пётр! Я же работала с перхлоратами и фторидами, этим вы можете какую-нибудь девчушку-первокурсницу заболтать, но не меня.

Голоса проступали из вязкой каши других звуков, безалаберных, бессвязных, что толкались у Лютенко под черепной коробкой, норовя вылиться через уши. Он осторожно открыл глаза.

Слишком много белого. Такое бывает только в госпитале.

Он вспомнил то, что было до мрака. Волна слабости накатила и прошла.

Жив.

– О, глядите, охрана прокынулась! – передразнивая Лютенко, сказал Шпагин.

Химик полулежал на койке, опёршись на стену спиной.

Лютенко лежал у другой стены, ближе ко входу, а пичуга Асмолова занимала едва ли не половину кровати, стоявшей в центре палаты. Она рассмеялась, оценив шутку Шпагина.

– Бог… – Лютенко поперхнулся словом, зашёлся в кашле, сухом, раздирающем лёгкие.

Асмолова подала ему стакан с чем-то красным, похожим на морс. Взводный благодарно припал к напитку; долго, с удовольствием двигал кадыком, глотая прохладную жидкость.

– Богатой будете, вчителька, – уже более нормальным голосом сказал он.

– Почему это? – Она прищурила один глаз и слегка наклонила голову, что вышло совсем по-птичьи. Лютенко поразился необычному цвету её радужек, крапинкам жёлтого в глубоко-зелёном, почти бирюзовом.

– Между двумя лейтенантами леж… находитесь, – вспыхнул Лютенко от неожиданной двусмысленности.

Неловкость разрядил Штильман, который пришёл проверить самочувствие тройки пострадавших, как он выразился, «во время газовки».

На форт напала хорошо вооружённая, опытная группа. После того как двор забросали химическими минами (от души приложили, пояснил врач… к счастью, от газовки пострадали только они), немцы сняли турельную установку на башне из «панцершрека».

Некоторое время все были «при своих», как сказал

Штильман. У оборонявшихся ещё оставалась пара «дегтярей» с мотоциклеток, а достать бронетранспортёр даже из «шрека» было непросто из-за хорошо выполненного укрытия. Пристрелянный днями раньше, «броник» прижимал немцев к земле, не давая атаке развернуться.

Хреновее стало после того, как шатуны выкатили самоходку «Штуг-4». «Броник» был подорван с третьего выстрела. «Штуг» хозяйственно разваливал амбразуры форта, одну за другой, и плавающие в поту противогазов бойцы охраны отбивались от наседавших немцев с куда меньшим азартом, чем прежде… но вскоре дело наладилось, потому что в самом начале атаки Николаев сделал радиозапрос о помощи в штаб бригады.

Всё же сорок пятый – не сорок первый. Взвод «тридцатьчетвёрок» и тяжёлый ИС-2, развернувшись веером с марша, вымели остатки немцев обратно в лес, на ходу сделав из «Штуга» решето.

Штильман аккуратно обошёл стороной вопрос Лютенко о потерях среди его бойцов. Взводный мотнул головой и отвернулся к стене. Юлия и Шпагин молча переглянулись.

Военврач перевёл разговор на другое.

– Вы, как и некий великий махинатор, что попал под лошадь, отделались лёгким испугом, – медик разговаривал с характерным одесским нажимом. – Невероятный случай жизни. Ваши мамы родили вас всех в сорочках. Скажите спасибо вот этому молодому человеку, – он кивнул на Шпаги-

на, – что втащил вас обоих сюда и только после этого сковырнулся сам…

Пока доктор рассказывал Юлии и Лютенко о перипетиях боя, Шпагин, одетый в пижаму пошлого абрикосового цвета, вышел из «палаты» в коридор, бережно переступая непослушными от слабости ногами. Пошатываясь, он прошлёпал через тамбур с внушительными, полуметровой толщины, стальными дверьми-задвижками в другой, наклонный, коридор, уходивший вглубь.

В пятом или шестом дверном проёме, выходившем в коридор, Шпагин увидел Николаева, который стоял у высокого оцинкованного стола в центре ярко освещённой комнаты.

Весёлое дело, подумал Шпагин. Здравствуй, морг.

Он подошёл и молча встал рядом с капитаном. Николаев, словно хамелеон, скосил на него правый глаз, потом сказал:

– Оклемался? Ну и здорово. Какие соображения есть по этому поводу? – Он кивнул на стол, на котором лежал труп немца в форме унтера горнострелковой дивизии.

Шпагин покосился на унтера. Мертвее не бывает. Из шатунов, надо понимать. Зачем его сюда притащили?

– Кондиционный труп. Что, собственно, вы имеете в виду, Сергей Александрович? – Он называл Николаева по имени-отчеству, уважая в нём учёного, но не военного.

– А вот что, – Николаев вытащил из нагрудного кармана карандаш и приподнял им полу куртки унтера. Край полы, вроде бы застёгнутый на все пуговицы, внезапно поднялся

вместе с карандашом, и Шпагин понял, что «застёгнутые» пуговицы просто нашиты на полу снаружи. Не отпуская карандаша, Николаев ткнул пальцем под полу, и Шпагин увидел, что куртка всё-таки застёгнута, но… не пуговицами.

Обе стороны куртки прочно соединяла лента с мелкими зубьями, с чем-то наподобие насечки посередине. Насечка шла по всей длине ленты и заканчивалась небольшим язычком, на котором были выбиты три буквы «YKK». Правая пола, с фальшивыми пуговицами, просто прикрывала ленту.

– И? – спросил лейтенант.

– Не знаю, Пётр. Вот ещё… смотри. Я кокарду с кепки унтеровской снял. – Николаев показал ему орла со свастикой. Капитан достал из кармана зажигалку и, щёлкнув колесом, поднёс язычок пламени к орлу. Металл кокарды неожиданно начал плавиться в огне, потом загорелся коптящим пламенем, роняя на стол шипящие капли.

То же случилось и с «оловянной» пуговицей, сорванной с куртки.

– Бакелит? – предположил Шпагин.

– Да нет, Пётр. Это что-то… что-то другое. Вся фурнитура у него сделана из такого материала. Только зачем весь этот маскарад?

Николаев отправил лейтенанта назад в палату, сказав, что тому пока нельзя долго оставаться на ногах.

* * *

Тройка «травленых» поправлялась. Штильман пичкал их чем-то невероятно горьким, но, похоже, действенным. Манькино молоко было тоже как нельзя кстати. Предписанный военврачом постельный режим Шпагин и Асмолова соблюдали постольку-поскольку, часто сбегая на нижние уровни, где сапёры кропотливо продолжали разминирование. Возвращаясь в палату, химик и Юлия подолгу спорили, обмениваясь непонятными для Лютенко данными – вроде бы и цифрами, однако имеющими отношение к химии и физике одновременно. Взводный по большей части молчал, отвернувшись к стене, но иногда оттаивал, включаясь в весёлую перепалку спецов. Те понимали, что происходит на душе у Лютенко, потерявшего треть взвода, и старались не докучать ему.

– …вот, гляди, – химик придвинул планшетку с карандашом. – Я же тебе говорил – цифры цифрами, а валентность не провести. Если к монофториду окиси азота добавить молекулу фтора, выйдет совсем другой компот! Валентное число…

Карандаш забегал по бумаге. Лютенко вытянул шею, увидел кучу химических формул, окружавших выписанные в центре три большие буквы и цифру: ONF_3.

Взводный лёг на спину, закинув руки за голову. Долго в

таком положении не выдержать: через пару минут придётся перевернуться на бок. Кашель всё ещё мучил всех троих, лёгкие медленно возвращались в норму. В ответ на вопрос Асмоловой – чем их травануло? – Николаев буркнул что-то маловразумительное и посоветовал запивать пилюли «от Штильмана» молоком.

Лютенко задремал. Цифры и формулы, которыми жонглировали птичка-физик и Шпагин, поплыли в расслабленном мозгу журавлиной вереницей. Воробышек в руке встрепенулся и чирикнул, выкашливая трефы и бубны из клюва: «Валетное число! Валетное число!»

– Шпагин! Мы четвёртый уровень прошли! – Громкий голос сапёра Крюкова разогнал марево сна.

Обоих спецов словно сдуло с коек; толкаясь в дверном проёме, они выскочили из палаты.

– Ну чё, пехота, по маленькой? – Крюков оглянулся на дверь и достал из кармана плоскую фляжку. – Канпот есть, закрасить?

– Давай, – вздохнул Лютенко.

…Запыхавшиеся Пётр и Юлия влетели в коридор четвёртого уровня как раз в тот миг, когда Малинников наладил свет на этаже.

Николаев вышел из бокового отвода, стряхивая влагу с плеча. На вопрос-взгляд Шпагина коротко буркнул: «Нет-нет, это вода…»

– Значит, так. – Он сверился с записями, которые сделал

во время обхода. – Шестьдесят четыре ячейки, четыре линии по шестнадцать, в каждой – ёмкость из нержавейки, примерно в пару тонн объёмом. Все пустые, кроме одной… – Шпагин незаметно выдохнул и расслабился. – Расположены прямо под цистернами третьего уровня. Если судить по потолочным отдушинам в каждой ячейке, вся тысяча тонн воды оттуда может легко сброситься в ячейки и отнейтрализовать… – он посмотрел на Асмолову, – …всё, что там внизу есть. А потом весь уровень, полностью, качественно затопится. Очевидно, они не были уверены на все сто в технологии процесса, что немудрено.

– И больше ничего? – Шпагин недоверчиво наклонил голову.

– Н-н-нет, есть ещё что-то, – протянул капитан. Помолчав, он буднично продолжил: – Где-то посередине между ячейками есть спуск вниз.

– Ещё один уровень? – выпалила Юлия.

– Да… А на заслонке – вот это. Две буквы. Такой, значит, оборот.

Все трое заворожённо уставились на пару латинских букв – «AU», написанных капитаном на планшетке.

– «Ау», что ли? Заблудились фрицы, или что? – гоготнул подошедший Малинников.

– Да, Вася, ау. – Николаев почему-то не улыбнулся.

Шпагин процедил ругательство сквозь зубы.

– Точно. Ау… Angereichertes Uran, – произнесла по-

немецки Юлия. – Обогащённый уран. Вы что, граждане-товарищи офицеры, меня совсем за дуру держите, да?

* * *

– В начале тридцатых немецкие химики Рюфф и Крюг описали новое соединение, трифторид хлора. Вещество заворожило военных рейха, главным делом потому, что оно является более мощным окислителем, чем кислород… ну, к примеру, асбест при контакте с ним легко воспламеняется. Зашифрованный как «Н-штофф», трифторид хлора был впервые испытан против французов на линии Мажино. Н-штофф легко прожигал огромные дыры в бетонных укреплениях. Вещество реагирует с большинством материалов, например, с водой и деревом, со взрывом, выделяя предельно токсичные продукты распада. Но что ещё более важно – то, что Н-штофф может быть идеальным компонентом реактивных двигателей, с невероятным КПД. Представьте себе «Катюшу», ведущую огонь из Гжатска по Берлину…

Притихшие сапёры, Асмолова и Шпагин сидели полукругом в бараке-столовой, слушая капитана, который мерно прохаживался перед ними. Николаев говорил ровно, как будто читал лекцию студентам.

– В середине войны немцы приняли решение о начале промышленного выпуска Н-штофф с тем, чтобы применять его на Восточном фронте. Но мы им в этом, товарищи, по-

мешали. – Он обвёл всех взглядом. – А выпускали Н-штофф и проводили исследования с ним здесь…

Николаев указал пальцем себе под ноги.

– Немцы эвакуировали лабораторию и производство задолго до нашего прихода. Почти сразу же после этого Четвёртое управление получило радио от чешского Сопротивления о том, что двое пленных учёных-чехов, которые работали в лаборатории Фалькенхагена, оставили здесь дневники и рабочие журналы, спрятав ящик с ними в тайнике, где-то здесь, в подземной лаборатории. К сожалению, ничего более конкретного узнать не удалось: гестапо накрыло радиостанцию чехов во время трансляции.

Николаев немного помолчал и продолжил:

– Вот поэтому сюда направили нас. Нам нужно найти материалы, потому что в них содержатся стратегически важные сведения. Такова наша задача. Я не мог раскрыть вам суть задания раньше. А теперь вот мы нашли пятый уровень, на котором, как вытанцовывается, немцы вели работы по сверхсекретному оружию возмездия. Нам нужно спешить. Я уже поставил в известность командование, меры принимаются. Для укрепления безопасности танки, присланные вчера на поддержку, остаются здесь, у форта. Через два дня из Москвы прибудет дополнительный контингент. Более подробно об этой операции я вам сообщить пока не могу. Прошу соблюдать строжайшую секретность.

После того как все разошлись, Шпагин подошёл к капи-

тану.

– Тот унтер, из «Эдельвейса»… Он один такой был? – Пётр, не мигая, смотрел на начальника.

– Какой, Пётр? – Николаев не отвёл взгляда.

– Другой. Не такой, как остальные шатуны. – Лейтенант развернул стул спинкой вперёд и сел на него верхом, потом качнулся на стуле несколько раз, ожидая ответа Николаева. Тот молчал, скрестив руки на груди.

Шпагин понял, что ответа не будет.

– У меня логика простая, и от вашей наверняка не отличается: никто из окруженцев не станет нападать на хорошо укреплённый форт… да ещё с миномётами, химоружием и самоходной установкой. Я имею в виду «настоящих» окруженцев, а не тех, у кого может быть свой бубновый интерес в подземелье. Но вы об этом ничего не сказали.

Шпагин понизил голос:

– Сергей Александрович, мы друг друга ещё с университетских времён знаем… Кто ещё может быть в курсе дела о том, что говорилось в радиограмме чехов? Немцы? Союзники? Если вы что-то недоговариваете, это…

Лейтенант вздохнул, потом встал и направился к выходу. Уже на пороге он повернулся к капитану:

– Чем конкретно нас обстреляли? Химия… Вы не анализировали?

Николаев подошёл к окну. Сумерки наползали на форт от лесной чащи. Не поворачиваясь, глухо сказал:

– Знаете, Пётр, а ведь я вас не помню среди своих студентов. – И добавил после короткого молчания: – Адамсит. Или другая какая-то дрянь на основе мышьяка. Бойцы Лютенко продегазировали форт… Вы трое точно в рубашках родились, как сказал Штильман. Доза-то, похоже, была убойная, даром что ветер в другую сторону дул.

Шпагин молча вышел из барака.

* * *

Утром, после завтрака, Пётр спустился на четвёртый уровень. Николаев уже был там. О вчерашнем разговоре не вспоминали. Оба химика методично осматривали бесконечную, казалось бы, вереницу лабораторий, вспомогательных помещений, вентиляционных установок и невероятной сложности систему технологических коммуникаций, состоящую из труб всевозможного диаметра и назначения, воздуховодов, насосов, фильтров, башен перегонки, реакторов… Не зная, как конкретно выглядит ящик, что именно он хранит, они практически искали иголку в стоге сена. И всё же оба надеялись на логику учёных; они ставили себя на место чехов, пытаясь хотя бы примерно определиться с частью огромного комплекса, в котором те могли спрятать материалы. Другого выбора не было.

За обедом Юлия понукала Крюкова и Малинникова, наседая на них с просьбами поскорее закончить разминирова-

ние пятого уровня. Оба сапёра суеверно открещивались от девушки, обещая, что к вечеру дадут ей возможность обследовать по крайней мере начальный участок уровня, вокруг входа.

После еды наступил «мёртвый час»: сапёры начинали свой четырёхчасовой отрезок работы. По их требованию, спецы не должны были находиться в бункере в то время, пока они работали внизу.

Врач и трое учёных собрались вместе в столовой. Разговор не клеился. Начался монотонный, осенней занудности, дождь. Брюквенное поле с мрачным скелетом сгоревшего «Штуга», развороченное гусеницами и покрытое оспинами воронок, не поднимало настроения, да и лес потерял привлекательность, нацепив дождевой маскхалат.

Стало немного веселее, когда к ним присоединились Лютенко и старлей Южаков, комвзвода танков. Южаков принёс аккордеон; оказалось, он неплохо играл («для танкиста», поддел его Лютенко), и Юлия первой предложила потанцевать.

Время подошло к ужину.

Сапёры, устало отдуваясь, вернулись из бункера.

– Ещё смену, ну, может, две. Если подлянки не будет никакой, – сказал Крюков в ответ на немой вопрос Асмоловой.

– Пётр, давай перекусим побыстрее, и… – Капитан внезапно поперхнулся. Изо рта у него хлынула кровь.

Шпагин не сразу понял, что случилось.

Ему показалось, что взрыв прогремел позже, после того, как Николаев стал наваливаться на него. У капитана была пробита грудь.

Оглушённый Пётр не смог удержать его, упал под тяжестью обмякшего тела.

Он пытался встать, но ноги скользили по крови на полу. Фотографически чётко он видел, как Штильман с окровавленным лицом рухнул рядом с обезображенным, иссечённым осколками Малинниковым… как страшно дёргался Крюков, по-неживому, конвульсивно…

– …Южаков! Южаков! – кричал Лютенко, зажимая рану на щеке. – К танкам! Немцы! Живее, помоги же, твою дивизию…

Танкист подхватил Лютенко. Сквозь дверной проём Шпагин видел, как они бежали к стенам форта; бойцы Лютенко уже занимали оборону.

– Юлия! Ты где? – Шпагин озирался, мотая головой, пытаясь вытрясти противную глушь из ушей.

Девушки не было.

Взрывы на территории форта раздавались один за другим.

Шпагин сполз по стене спиной, оставляя кровавый след, и уселся на полу. Подмога не успеет, механически подумал он. Немцы будут здесь раньше.

Пора.

Лейтенант встал и, шатаясь, направился к бункеру.

* * *

Звуки боя не проникали на такую глубину, лишь едва ощутимые содрогания пола под ногами говорили об интенсивности схватки на поверхности.

Шпагин повернул рубильник освещения.

Собственно, он изучил командный пункт досконально, мог бы при необходимости работать и в темноте. Он неделями практиковался в том, что намерен был сделать в следующие мгновения.

Подойдя к щиту управления, лейтенант уверенно защёлкал переключателями и тумблерами, приводя в готовность соленоиды цистерн третьего уровня. Оставалось последнее – маховик открытия шлюзов. Меньше чем через минуту тонны воды хлынут с третьего уровня, затапливая всё, что находилось под ним. Н-штофф взорвётся при контакте с водой, уничтожит подземелье…

Включая документацию, оставленную чехами-сопротивленцами.

– Не спеши, Пётр…

Он вздрогнул и обернулся.

Тяжёлый «токарь» нелепо смотрелся в маленькой женской руке. «Тендитной», сказал бы Лютенко.

– Как ты догадалась?

Не спуская глаз с лейтенанта, Юлия по-кошачьи переме-

стилась от двери к основному пульту в центре КП. Теперь, если бы ей нужно было выстрелить в Шпагина, щитовая не попадала на линию огня. Умно, отметил он.

– Нельзя быть таким опрометчивым, товарищ лейтенант, – она сделала упор на слове «товарищ». – Если ты рассказываешь об окислителях, которые известны науке настоящего времени, старайся использовать сведения, известные только науке настоящего времени…

Что-то было слишком очевидным в этом её высказывании, но Шпагин не вдавался в подробности. Время поджимало.

– Это ты о чём? – Он мысленно прикидывал: если она всадит в него пару пуль, сумеет ли он всё-таки провернуть маховик хоть на два-три оборота? А что это изменит? Нелепо…

– Трифторид окиси азота будет открыт только четверть века спустя. Как видишь, я не догадалась. *Я знала*.

Пол дрогнул под ногами Шпагина. На этот раз он не был уверен, что от взрыва.

– Я в какой-то степени даже подчищала твои помарки… Зачем ты приволок сюда журнал? И зачем нужно было смущать беднягу Штильмана, применяя антидот, которого ещё нет на вооружении РККА? – Юлия вынула из кармана разовый пакет-иглу и подбросила её на ладони.

– Если бы не антидот, мы бы сейчас не разговаривали, – хрипло ответил Шпагин.

Девушка смято улыбнулась, словно бы он сказал нелепи-

цу.

– То, чем нас травили, *твоим* антидотом не вытащишь… – Она снова нырнула в карман и достала на этот раз плоский синий кругляш, который самостоятельно и довольно шустро перебрался ей на тыльную часть ладони. – Я же сказала: подчищала помарки.

Она не наслаждалась эффектом и не проявляла участие, она полностью контролировала ситуацию. Это совсем не нравилось Шпагину.

– Дело в том, что ты пока не знаешь, кто я и что тут делаю, а вот я знаю о тебе всё, – продолжила Юлия. – Давай так: ты дашь мне пять минут, и, уверяю тебя, они у нас… у тебя… есть. Ты пока просто постоишь, а я покажу тебе расклад, которого ты не знаешь. Идёт?

«Как будто у меня есть выбор», – зло подумал Шпагин. Немигающий зрачок ствола «ТТ» здорово помогал в принятии решения.

Он кивнул головой. Юлия села за пульт, опёршись магазином пистолета на стол.

– Тяжёлая штука… – пожаловалась она. – Я буду говорить, а ты считай себя в полном праве перебивать и поправлять меня, если я ошибаюсь. Согласен? Значит, так. Ты действительно Пётр Шпагин, и по должности ты в самом деле лейтенант, но служишь ты в Межвременной Службе Химбезопасности и находишься здесь для того, чтобы помешать тем… наверху… захватить материалы чехов-подпольщиков.

Пока всё верно?

Шпагин кивнул, сделав при этом едва заметный шаг вперёд.

– Ц-ц-ц, лейтенант, не надо горячиться… – Ствол пистолета качнулся, указывая Шпагину на прежнее место. – Поскольку ты не смог найти материалы, а «те наверху» наседают, и вполне возможно, что они прорвутся и завладеют документами, ты, судя по всему, решил перейти к плану «Б», так? То есть залить всё к хренам, в надежде, что оставшийся Н-штофф уничтожит документы?

Пётр снова кивнул. Против логики не попрёшь.

– А если я тебе скажу, что не могу, не имею права позволить тебе уничтожить эти материалы? – Девушка пристально взглянула на Шпагина.

– Я об этом как-то сразу догадался, – Шпагин кивнул на пистолет в руке Юлии.

– Правильно мыслим, лейтенант! Теперь только осталось сообразить, *почему* я должна тебе помешать. Но вот тут, клянусь, логика у тебя заканчивается… – Она улыбнулась, по-доброму – так, что Шпагин внезапно сконфузился.

– А дело в том, Пётр, что материалы, оставленные сопротивленцами, не имеют отношения к Н-штофф и спрятаны они не на четвёртом уровне, а на пятом… То есть, по логике, сейчас ты должен догадаться, что и ты, и «те наверху» ошибаются, и весь сыр-бор лишён всякого смысла… с одним исключением.

Она подалась вперёд.

– Если материалы не будут уничтожены сегодня, их найдут примерно через сто лет. Их содержание бесценно, оно позволит человечеству не только решить энергетическую проблему, но и открыть путь в космос. Такой вот тебе простецкий выбор, лейтенант. Или ты топишь всё, или ты сможешь стать… гм… Подробности я опускаю. «Те наверху», как их там… Кауфманн и Реннер… впрочем, теперь только Кауфманн, Реннер был убит при первой атаке…

Шпагин вспомнил унтера в егерской форме. Юлия продолжала:

– Он видит всё таким, каким видишь ты. Вы ошибаетесь. Оба. Можешь – пока – поверить мне на слово. Я пришла из мест, куда более отдалённых от тебя, чем ты от всего этого, – она обвела помещение жестом. – И, как ты можешь догадаться, знаю и о тебе, и о них, и о том, как всё здесь пойдёт дальше. Вот тебе и вся диспозиция.

Что-то не укладывалось в систему её логики. Какой-то финт…

Стоп. Если он не затопит подземелье, то у неё не будет резона появиться здесь, потому что документы уцелеют. С другой стороны, если материалы попадут в руки Кауфманна, то, если верить Юлии, он получит куда более мощное оружие, чем Н-штофф. Тогда возникает вопрос: если он ничего не сделает *сейчас*, но Кауфманну кто-то помешает уже после того, как он завладеет документами, – что тогда?

Трудно сосредоточиться.

– Ты на свои знания о петле времени не здорово полагайся, – она словно продолжила его рассуждения. Шпагин хотел было сказать, что знаний у него не так много, как хотелось бы, но промолчал. – Если исходить из традиционной теории, то да: если бы ты не затопил, то я бы не появилась и так далее. Но теория перемещений во времени ушла немного дальше там, откуда я. Парадокс Брунелла – ты же незнаком с таким?

Шпагин отрицательно мотнул головой. В самом деле, что ли, она читает мысли?

– Вот тебе примитивная аналогия: ты срезаешь одну ветку дерева из двух, на развилке. По традиционной теории, поток времени идёт по оставшейся ветке. Будут изменения или нет, в каком масштабе – неважно. Ты отсёк развитие событий по второй вариативной ветке. Но Брунелл показал, что почти сразу же после этого на оставшейся ветке образуется новое разветвление, одна из веток которого может вернуть развитие событий практически в то же русло, от которого ты вроде бы уже избавился.

Она вздохнула.

– Штука в том, что и вторая, вроде бы как «правильная», ветка уже не будет такой же, на которую ты поставил. Понимаешь?

Шпагин неопределённо кивнул головой.

– Ну вот тебе тогда пример с твоим «отсечением ветки». Из создавшейся вилки – или материалы попадают в руки Ка-

уфманна, или нет – ты выбираешь затопление бункера. По *твоей* теории, это событие приведёт к разрешению проблемы возникновения мощного орудия террора в вашей действительности. Но на деле сразу же после того, как ты затопишь подземелье, может случиться всё, что угодно, ну, например, взрыв Н-штоффа при контакте с водой не приведёт к непременному уничтожению пятого уровня и материалов в нём, и Кауфманн завладеет ими через год-другой…

– А твоя роль к чему сводится? – вдруг спросил Шпагин.

Она, похоже, не ожидала такой прыти.

– Молодца, товарищ лейтенант… Моя роль, Пётр, сводится к тому, что я нахожу вилки, исследую их и, если требуется, отсекаю критические ветки, чтобы избежать парадокса. Ну, скажем, не я одна. Моя организация. Если тебе так будет проще, можешь называть нас *садовниками времени*…

Она снова улыбнулась, на этот раз широко, от души.

– Если мы достигли понимания, я покажу тебе кое-что стоящее. Согласен?

Шпагин медленно сделал два шага в сторону от щита управления.

* * *

Бой практически закончился.

Автоматные очереди становились реже. Дважды оглушительно бухнул ИС, потом послышалось шипение и сразу же

за ним – глухой разрыв фаустпатрона под бронёй.

Пока они пробрались к редуту, всё стихло. Эхо разносило во влажном воздухе лающие команды на немецком. В занимающемся рассвете Шпагин насчитал больше десятка горевших танков. Вся пятёрка «тэшек» была в их числе… Он стиснул зубы.

– Стой за мной! – Голос девушки был настолько властен, что Шпагин подчинился без возражений.

Она сделала три быстрых шага к краю насыпи и подбросила в воздух небольшой блестящий шар, который самостоятельно поднялся выше, до уровня макушек самых высоких елей на краю леса. Секундой позже шар разлетелся на мириады мельчайших осколков; те словно повисли в воздухе, постепенно образуя нечто наподобие слоёв, как будто обозначая поверхность сфер, расположенных, словно матрёшки, одна в другой. Сферы разрастались, причём осколки начали вращаться, скользить по их поверхности, всё быстрее и быстрее… Сфер было несколько, шесть или семь, а может, и больше, – поверхности их переливались и блестели, но оставались полупрозрачными.

Шпагин словно прикипел к земле.

Девушка повела рукой, и центр «матрёшки» переместился в форт, ко входу в бункер. Теперь блестящие поверхности стали полусферами.

Новый взмах руки вызвал невероятное.

Первыми взлетели в воздух подбитые танки; они скользи-

ли по поверхностям полусфер, поднимаясь всё выше и одновременно распадаясь, расползаясь на составные части, будто невидимые механики споро разбирали их, настолько быстро, что, когда машины достигли верха сфер, узнать танк в хаосе крутящихся частей и деталей было невозможно. Вращение убыстрялось, и вскоре каждый танк превратился в серо-чёрный вихрь.

Вихри стали исчезать один за другим, с протяжно-воющими, натужными звуками. Сминались, схлопывались, как огромные газетные комки, и попросту растворялись в воздухе…

Мгновением позже танков как и не было.

Заворожённый грандиозным зрелищем, Шпагин глядел на то, как поднялись кверху подбитый «Штуг», потом бронетранспортёр, потом машины, мотоциклетки, пулемёты…

Когда межсферное пространство начало втягивать людей, живых и мёртвых, затем землю, вывернутую разрывами, и даже стреляные гильзы и прочую мелочь, Шпагин понял: идёт гигантская чистка.

Он попытался было сказать что-то Юлии, но, увидев её сосредоточенное лицо, без кровинки, с закрытыми глазами, не стал.

Садовник времени работал.

Когда всё закончилось, внутренняя сфера начала вспухать, разрастаясь, и бункер стал по частям подниматься вверх вслед за ней. Ошеломлённый Шпагин видел, как в воз-

дух вздымались тоннели и лаборатории, хранилища и казематы – гигантский трёхмерный разрез всего объекта парил теперь над землёй на высоте десятков метров…

Юлия вздрогнула, потянулась рукой к чему-то в бункере – и большой деревянный ящик с трафаретными орлами на боках выплыл из сердцевины последнего, пятого, уровня. После резкого движения рук девушки весь бункер рухнул на прежнее место, лишь ящик остался висеть в воздухе.

Шпагин невольно закрыл глаза… Но звука падения тонн бетона, грунта и другой начинки подземелья не последовало.

Всё вернулось на место, вернулось в том же порядке, как и прежде.

Ящик исчез.

Полушария снова превратились в сферы, которые в считаные секунды свернулись обратно в тот самый небольшой блестящий шар.

Девушка подняла руку. Шар послушно опустился ей на ладонь.

Шпагин обвёл взглядом форт, поле за ним, лес… Всё изменилось, и ничто не изменилось – всё вернулось в ту самую точку, с которой должна начаться развилка времени.

Ему даже почудился крик Караваева: «Ма-а-а-аанька-а-а-а-а!»

* * *

Лесная дорога долго петляла между вековыми елями, пока вывела их на шоссе.

– Мне туда, – Юлия махнула рукой в сторону Берлина.

Транспорт в том направлении двигался без остановок.

– А как ты… В общем, как ты возвращаешься? – спросил Шпагин и сразу же понял, что задал риторический вопрос.

– Какая разница, товарищ лейтенант Шпагин? – Она блеснула лазурью глаз. – «Как-нибудь, когда-нибудь», – спела Юлия строчку из популярной песни тех дней. – Ты сам-то как – в порядке?

– Я-то? Да тоже, «на честном слове и на одном крыле…», – ответил он. – Забавно, похоже, у Кауфманна и Реннера аппарат был допотопный – они не могли металл на себе перемещать, пластик и ткань только. Терминаторы хреновы.

– Это кто такие – терминаторы? – непонимающе спросила девушка.

– Неважно. Слушай… – Он замялся, но всё же спросил: – Николаев, он… В Москве сейчас?

Юлия напряглась.

– Да. Пётр, ты не станешь делать глупости?

– В каком смысле? А-а… нет, не беспокойся. Он не должен, и не будет… – Шпагин осторожно взял её за руку. – Знаешь, если все наши *теперь* живы… Если вы можете… Я

подумал: почему вы не срезаете… войны?

Она кивнула, не отнимая руки.

– Всё правильно. Я ждала этого. Понимаешь, ветки войн слишком мощные для нас. Мы всё ещё опасаемся того, что у дракона вместо одной срубленной головы вырастут две новые. Но мы работаем над этим. Можешь быть уверен.

Она улыбнулась:

– Может, как-нибудь и пересечёмся снова, лейтенант. А у азота валентность в трифториде его окиси – пять…

Сергей Чебаненко
Улыбающаяся кукла на церемониальном посту

1

– Наш спутник прошёл на расстоянии всего около сотни километров от американского шаттла «Колумбия», – сказал министр обороны. – Фотоснимки получились очень качественные.

Он достал из кожаной папки несколько крупных фотографий и разложил их на столе.

– Вот посмотрите, товарищ председатель, – министр ткнул указательным пальцем в первый фотоснимок. – Это увеличенное изображение передней кромки левого крыла шаттла. Отчётливо видно, что здесь не хватает нескольких теплозащитных плиток.

Человек, сидевший за столом, пододвинул фотографию к себе, поправил очки и всмотрелся:

– Да, в самом деле… И куда же подевались эти плитки?

– Отвалились во время старта, – министр обороны ухмыльнулся уголком рта. – Агент нашего разведывательного управления достал техническую видеозапись, сделанную

в день запуска «Колумбии». На ней хорошо видно, что после старта космического корабля от топливного бака шаттла оторвался кусок теплозащитной пены. Он ударил по кромке крыла и сбил несколько плиток.

– Вот как… И что же, американцы ещё ничего не знают?

– Так точно, товарищ председатель! – министр осклабился. – Мы контролируем все переговоры между «Колумбией» и центром управления полётом в Хьюстоне. Американцы пока ничего не подозревают.

– Это серьёзное повреждение? – Человек за столом пододвинул к себе остальные снимки. Крыло шаттла было сфотографировано в нескольких ракурсах. – Какие могут быть последствия?

– Самые серьёзные. Я распорядился сделать анализ в институте теплотехники… Совершенно секретно, конечно. Без разглашения обстоятельств исполнителям…

– Ну и…?

– Катастрофа шаттла неминуема. При возвращении на Землю «Колумбия» окажется в плазменном облаке. Обшивка прогорит, и космический корабль развалится на части.

– Экипаж успеет спастись?

– Нет, – министр покачал головой. – Космонавты погибнут со стопроцентной вероятностью.

Председатель закрыл глаза, откинулся на спинку кресла и несколько секунд молчал. Потом спросил:

– Когда американцы планируют посадку шаттла?

– На тридцать первое января или на первое февраля. В зависимости от погодных условий в районе посадочной полосы. Шаттл должен начать торможение в половине двенадцатого. По Гринвичу, конечно.

– Через неделю? – Собеседник министра открыл глаза и резко подался вперёд. – Всего через неделю?

– Да, товарищ председатель, – кивнул министр.

Человек за столом озабоченно наморщил лоб, что-то прикидывая в уме.

– Товарищ маршал, а когда были сделаны эти фотоснимки?

– На второй день после начала полёта «Колумбии». Восемнадцатого января.

– Почему же мне раньше не доложили? Почему вы целую неделю держали у себя информацию такой степени важности?

– Э… Генерального секретаря партии мы поставили в известность немедленно. Как главнокомандующего нашими вооружёнными силами. А вас и остальных членов Политбюро… Мы проверяли информацию, товарищ председатель, – министр виновато пожал плечами. – Разрабатывали возможные сценарии развития событий…

– Да? Сценарии, значит, разрабатывали, – председатель недовольно поморщился. – И какие же сценарии у вас получились?

Министр беспокойно кашлянул и положил на стол тонкую

пластиковую папку, которую держал на коленях.

– Собственно, вот… С вероятностью около девяноста восьми процентов реализуется всего один сценарий.

Он пододвинул папку к собеседнику.

– Расскажите своими словами, – потребовал председатель. – Слава богу, что ваши аналитики выдали только один сценарий!

– Как я уже говорил, – министр облизал губы, – шаттл развалится почти сразу после входа в атмосферу Земли, и космонавты погибнут. Американцы решат, что эта катастрофа – наших рук дело…

– Что?! – Глаза председателя удивлённо округлились. – А мы здесь при чём?

– Дело в том, товарищ председатель, – министр вздохнул, – что их станции наземного наблюдения зафиксировали манёвры нашего спутника-фоторазведчика около шаттла. И Штаты будут убеждены, что повреждение «Колумбии» вызвано каким-то воздействием лучевого оружия с борта нашего «Космоса»…

– А почему мы не можем предупредить США о повреждении шаттла?

– Предупредить, конечно, можем, – нехотя согласился министр. – Но американцы всё равно не поверят тому, что дыру в крыле пробил не лазерный луч с нашего спутника, а оторвавшийся во время старта кусок теплозащитной пены. Аналитики утверждают, что результат будет всё тот же: Америка

будет держать нас на подозрении.

– Чепуха какая-то… – Собеседник министра скептически фыркнул. – В Вашингтоне сидят не круглые дураки, товарищ маршал.

– Не дураки. Но всё-таки американцы решат, что в гибели семерых космонавтов виноваты именно мы. И президент США…

Он замолчал, не решаясь продолжить.

– Ну, и что сделает американский президент? – нетерпеливо нарушил молчание человек за столом.

– Президент США отдаст приказ о ядерной атаке, – на одном дыхании скороговоркой произнёс министр. – В течение суток после гибели «Колумбии» американцы нанесут по территории СССР и территориям наших союзников массированный ядерный удар. Всеми своими ядерными силами.

– Господи! – едва слышно охнул председатель.

2

– Ну, и как он отреагировал?

– Как мы и ожидали, товарищ генеральный секретарь, – министр обороны рассмеялся. – Наш дорогой председатель Президиума Верховного Совета СССР очень обеспокоен! Если не сказать, испуган…

– Хорошо, что он наложил в штаны. – Генеральный секретарь ЦК КПСС удовлетворённо кивнул. – Значит, он вскоре

побежит советоваться со своими дружками – председателем Совета Министров и министром иностранных дел. А это нам с вами как раз и нужно! Можно ли будет зафиксировать их беседу?

– Запросто, – министр хихикнул. – Мы запишем каждый чих!

– Вот и прекрасно!

– Как вы понимаете, никто из наших военных аналитиков оценку вероятности американской ядерной атаки не проводил. Всё это блеф для устрашения членов Политбюро, – доверительно сообщил министр. – Кроме того, я направил на имя председателя Совмина докладную записку о том, что наши вооружённые силы из-за отвратительного состояния экономики совершенно не готовы к активному противостоянию с Америкой. Эта записка станет для «голубей» из Политбюро дополнительным аргументом для активного противодействия нашим политическим инициативам. И поставит их под ответный удар.

– Главное, чтобы они проявили себя на заседании Политбюро, – генсек озабоченно потёр лоб. – Чтобы опять открыто вылезли на свет божий со своим миротворчеством.

– А куда им теперь деваться? – Министр развёл руками. – Либо переходить полностью на нашу сторону и навсегда потерять политическую инициативу, либо идти в атаку. В свой последний и решительный бой, так сказать.

– Предсовмина – человек самолюбивый, – заметил ген-

сек. – В нашу упряжку он не пойдёт. Привык ходить самостоятельно, понимаешь ли! Что же, на этом он и погорит.

Генеральный секретарь довольно потёр руки.

– А с ним заодно из Политбюро вылетит и этот доморощенный пацифист – министр иностранных дел. В трудное предвоенное время руководство страны должно быть решительным и единым как никогда! – с иронической усмешкой провозгласил генсек. – Ну а к тому времени, когда выяснится, что ваши аналитики сильно ошиблись с оценкой способности американцев ввязаться в ядерный конфликт после гибели шаттла, дело будет сделано. Миротворцы из Политбюро окажутся на пенсии. Будут кушать мёд и сметану на своих дачах, нянчить внуков и писать мемуары.

– А как быть с председателем Президиума Верховного Совета? – спросил министр. – Тоже выведем из Политбюро и отправим на пенсию?

– Он ничего не решает, – махнул рукой генсек. – У него всего лишь церемониальный пост. Поэтому пусть остаётся. Человек он известный и стране, и всему миру. Чтобы не возникло лишних кривотолков, мы его оставим. Пока оставим!

Генеральный секретарь помедлил, размышляя, и сказал:

– И вот ещё что, дорогой мой… Распорядитесь-ка привести наши вооружённые силы в состояние полной боевой готовности.

И, отвечая на немой вопрос министра обороны, добавил:

– Всё должно выглядеть логично и естественно. Мы полу-

чили информацию аналитиков о том, что американцы нанесут ядерный удар по СССР после гибели шаттла? Получили. Вот и давайте реагировать соответствующим образом – готовиться к возможной ядерной войне. В нашем сценарии всё должно быть реалистично. Только тогда в него поверят.

3

– Господин президент, у меня тревожные новости! – Директор Центрального разведывательного управления стремительной походкой вошёл в Овальный кабинет Белого дома.

– Что случилось, Джим? – Президент Соединённых Штатов Америки оторвал усталый взгляд от бумаг на столе. – Снова проявились исламские террористы?

– Хуже, намного хуже! – Директор тряхнул головой. – Русские приводят в состояние полной боевой готовности свои ракетно-ядерные силы!

– Вот как? – Брови президента взметнулись вверх. – Странно… Не было никаких предпосылок для обострения наших отношений с Россией… Друг мой, вы не ошибаетесь?

– Увы, нет, господин президент, – директор достал из рабочей папки несколько листов бумаги и положил их на стол перед собеседником. – Это выдержки из докладов наших полевых агентов, данные радиоперехвата и отчёты о наблюдениях со спутников.

Президент кивнул директору ЦРУ на кресло около стола и принялся за чтение.

– Невероятно! – спустя несколько минут произнёс он. – Этого просто не может быть!

– И тем не менее это так, господин президент! – Директор чуть подался вперёд. – Советы проявляют небывалую активность.

– Что это может означать, Джим? – Президент озабоченно нахмурил лоб. – Почему они встрепенулись?

– Кто его знает, господин президент, – директор пожал плечами. – Логику русских трудно понять. Один из их поэтов, если мне не изменяет память, так и написал в своё время – «Умом Россию не понять».

– Достойный ответ для руководителя разведывательной службы! – Президент недовольно хмыкнул. – И всё же, как вы оцениваете приготовления СССР?

– Как намерения нанести по нам первый удар. Первый ядерный удар, господин президент.

Президент задумался, повертел в руках дорогое перо, подаренное первой леди на Рождество, и сказал:

– Джим, я не убеждён в том, что вы правы относительно конечной цели нынешней активности русских. Но… Мы немедленно собираем совещание членов кабинета!

4

– Итак, Джим? – Вице-президент США вытянул ноги, устраиваясь поудобнее на диване «линкольна». – Как вы оцениваете итоги совещания у президента?

– Один – ноль в нашу пользу, – директор ЦРУ расстегнул пиджак и немного ослабил узел галстука. – Мы загнали президента в угол, из которого ему уже не выбраться!

– Вы так думаете? – Вице-президент скептически фыркнул. – Но этот тюфяк всё-таки отдал приказ о приведении наших стратегических сил в полную боевую готовность!

– А что толку? – Директор пожал плечами. – На превентивный удар по русским он всё равно не решится!

– Я бы тоже не решился, – вице-президент вздохнул. – Даже несмотря на тот космический щит, который мы развернули на околоземной орбите благодаря покойному Рейгану…

– …И вторую очередь которого наш недоумок-президент похерил три года назад, чтобы угодить избирателям и избраться на второй срок! – На лице директора появилась злобная гримаса. – Наши предприятия недосчитались миллиардов долларов!

– Да, по крайней мере, ещё два года корпорациям придётся поджимать хвосты, – вице-президент поморщился. – Пока срок президентских полномочий этого ничтожества не закончится!

Директор ЦРУ внимательно посмотрел на вице-президента и тихо произнёс:

– Есть шанс уменьшить этот срок. Если досрочно отправить президента в отставку.

– Вы шутите, Джим? – Вице-президент рассмеялся. – Добровольно он не уйдёт. А никаких оснований для импичмента, увы, нет.

– Основания для импичмента могут появиться, – в глазах директора блеснули искры. – Стопроцентные основания!

– У вас есть что-то конкретное? – Вице-президент бросил в его сторону заинтересованный взгляд.

Директор открыл портфель, достал несколько фотоснимков и протянул вице-президенту.

– Что это, Джим? Ваши ребята сфотографировали президента в борделе во время оргии с несовершеннолетними девочками? – Вице-президент раскатисто захохотал.

– Это фотоснимки шаттла «Колумбия», – терпеливо пояснил директор. – Получены при помощи телескопов с высоким разрешением. Я распорядился их сделать сразу после того, как стало известно, что к шаттлу на достаточно близкое расстояние подходил русский спутник-фоторазведчик «Космос».

– И что на этих снимках? – Вице-президент недоверчиво повертел в руках фотографии. Он видел на них только цветные пятна странной формы и совершенно ничего не понимал.

– Шаттл серьёзно повреждён. Во время старта от топливного бака оторвался большой кусок теплозащитной пены. Он пробил дыру в левом крыле «Колумбии». Это значит, что после входа в земную атмосферу для посадки шаттл развалится. Экипаж погибнет.

– Чёрт! – Вице-президент встревоженно вскинулся. – Джим, вы должны немедленно уведомить НАСА! Возможно, они ещё как-то смогут спасти астронавтов.

– Если мы хотим убрать из Белого дома нынешнего президента, мы должны молчать, – почти шёпотом произнёс директор. – Семерыми астронавтами придётся пожертвовать.

Вице-президент недоумённо воззрился на собеседника:

– Что-то я пока не улавливаю, какая логическая связь существует между «Колумбией» и этим тюфяком в Белом доме?

– Очень простая связь, – с готовностью пояснил директор. – Когда экипаж «Колумбии» погибнет, специальное расследование установит, что это прискорбное событие произошло вследствие лучевого удара с борта советского спутника. Это будет означать, что Советы атаковали Америку в космосе.

– Но вы же говорили, что советский спутник, который сближался с «Колумбией», – обычный фоторазведчик, – возразил вице-президент. – Русские могут легко уйти от нашего обвинения. Они просто предоставят международной общественности все данные о своём спутнике. Или вообще согла-

сятся на независимую инспекцию этого космического аппарата.

– Советы ничего не докажут, – директор покачал головой. – Если вы согласитесь с моим планом, то уже через два часа русский спутник – совершенно случайно, конечно, о чём мы позаботимся, – директор весело подмигнул собеседнику, – столкнётся с мелкими обломками неизвестного летательного аппарата. С космическим мусором, которого так много появилось на околоземных орбитах за последние годы. Советский фоторазведчик разлетится в пух и прах и ни одна международная комиссия не в состоянии будет сказать, чем он был до столкновения – разведчиком или боевой лазерной установкой.

Вице-президент задумался:

– Хорошо, допустим? А дальше? Какая связь с Белым домом?

– А дальше всё очень просто, – директор ЦРУ развёл руки. – «Колумбия» погибла. Погибли семь астронавтов. Но этого можно было избежать, если бы вторая очередь стратегической оборонной инициативы начала разворачиваться своевременно. Тогда мы могли бы засечь спутник коварных русских задолго до его сближения с шаттлом и смогли бы его нейтрализовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.